Фантастические миры

Константин КАЛБАЗОВ

БУЛЬДОГ
в начале пути

Бульдог

Константин Калбазов

Бульдог. В начале пути

«Автор»

2014

Калбазов К. Г.

Бульдог. В начале пути / К. Г. Калбазов — «Автор», 2014 — (Бульдог)

ISBN 978-5-9922-1768-1

Умудренный годами мужчина из двадцать первого века и малоопытный, всеми обманутый юный император Петр Второй. Что может быть между ними общего? Ничего. Если только не эта встреча посреди бескрайней, заснеженной пустоши, где время застыло вечностью. Встреча, спаявшая их в одно целое. Теперь у них все общее: и жизнь, и судьба, и долг. И трудов им предстоит ой как немало, потому что проблем в Российской империи более чем достаточно. И пусть они только в начале пути, главное – сделать первый шаг, потому что любая долгая дорога начинается именно с него.

ISBN 978-5-9922-1768-1

© Калбазов К. Г., 2014
© Автор, 2014

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 21
Глава 3 31
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Константин Калбазов
Бульдог. В начале пути

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1
Покушение

– Сергей, тебе не кажется, что ты замахнулся на неподъемное?

– Почему? Потому что до нас никто ничего подобного даже не пытался сделать?

– До тебя, Сергей. До тебя.

– Вот, значит, как. Еще несколько минут назад у меня была команда, а теперь получается – ее нет.

Буров многозначительно посмотрел на широкую дверь кабинета, за которой недавно скрылся последний участник вечернего совещания. Вопросов, требующих рассмотрения, было предостаточно, так что засиделись допоздна. Сергей Иванович вообще не любил обсуждать все и со всеми, поэтому совещания проводил в несколько этапов.

Проблем хватало, в особенности касаемо коммунальных служб. Боже, когда он избирался на пост главы города, он даже не представлял, что этой структуре понадобится уделять так много внимания. Ему пришлось изрядно попотеть, пока удалось поменять руководство жилищно-коммунального хозяйства и комбината, ведавшего благоустройством города. Кто бы мог подумать, что даже в этой сфере столько подводных камней. Но ничего, осилил. Теперь там были люди из его окружения, проверенные не одним годом совместной работы.

Наличие на этих должностях проверенных кадров вовсе не означало, что все тут же наладится. Как бы не так. Сразу же стало только хуже. Как оказалось, работа-то там велась эдак ни шатко ни валко, да и все больше себе в карман. Поэтому обозначилась некая группа особо неуемных граждан, что мешала тихой и беззаботной жизни слуг народа, вот, пожалуй, и все неудобства. Это все было как-то привычно. Для прежнего руководства. Новому же стало доставаться от всех и вся, и, что самое интересное, по нарастающей.

Дело тут вовсе не в том, что они били баклуши. Наоборот, люди увидели, что новые руководители начали работать. Ну раз уж работаете… Количество жалоб, просьб, ходатайств, предложений и требований превысило все мыслимые и немыслимые пределы. Граждане как с цепи сорвались. Такое впечатление, что вот сменилось руководство, и все сразу же стало плохо, настал конец света, не иначе.

Целый год ушел на то, чтобы успокоить это разволновавшееся море. Средств, разумеется, не хватало, и если бы взялись за все и сразу, то даже при условии, что никто ни копейки не украдет, все одно ничего не добились бы. В том, что к рукам его ставленников ничего не прилипает, Буров был уверен, тут отдельная история, а вот про их подчиненных этого сказать было нельзя. Ну да, чистку в одночасье не проведешь, да и размеры этого прилипающего уменьшились значительно. А после того как парочка из тех, кто не уловил новых веяний, угодили на скамью подсудимых и получили реальные сроки, остальные стали проворачивать свои дела с большой осмотрительностью.

Так вот. Чтобы не распыляться, выбрали пару основных направлений и сосредоточили усилия на них. Про остальное тоже не забывали, но там только чтобы не развалилось. Появились первые результаты. Горожане поутихли, немного умерив свои аппетиты и внимательно наблюдая за тем, как будут развиваться события. Буров вовсе не собирался никого обманывать, но всему свое время, согласно утвержденным планам и очереди.

Перемены затронули и администрацию города. На всех ключевых постах очень быстро обосновались представители команды нового главы. Для населения на первый взгляд ничего не изменилось. В городе все так же продолжалось строительство различных объектов, как то: бутиков, магазинов, торгово-развлекательных центров, зданий под аренду. Вот только участки стали выделяться не там, где хотелось бы будущим владельцам, а там, где это было

возможным и не противоречило нормативным актам. Точно так же обстояло дело и с разрешением на строительство, потому как наличие земли в собственности вовсе не означает, что ты можешь построить все, что твоей душе будет угодно.

Разумеется, и тут среди граждан нашлись недовольные, ну да всем мил не будешь. А вот сами застройщики буквально взвыли. Поначалу решили, что неуступчивость руководства города связана с повышением ставок в неофициальном прейскуранте цен. Но, как выяснилось, ничего подобного. Дураков лезть напрямую с деньгами в конверте не нашлось. Прощупали людей, город не особо большой, знакомых хватает. Не берут, уроды. Так чего хотят-то?!

И ведь ни одному не пришло в голову, что если строительство не противоречит строительным нормам и плану развития города, то никто даже и не заикнется о том, чтобы что-то поиметь с застройщика. Требования были самыми минимальными – по возможности не трогать зеленые насаждения и в обязательном порядке благоустроить прилегающую территорию. Ничего сверхъестественного.

Было еще одно очень неприятное для ведущих строительство. Теперь ни о каком вольном производстве работ не могло быть и речи. Мало было представить проект, так еще и работы надо производить под авторским надзором, а тут уж не схалтуришь и на материале не сэкономишь. Проектировщик не дурак подмахивать бумаги не глядя, потому как за это можно и поплатиться, да еще и зона вполне себе сейсмоактивная. Те, кто строил на продажу, смотрели на администрацию волком, ведь теряют в прибыли. Кто строил для себя – кряхтел, но все же понимал, что в результате так будет лучше.

Все бы ничего, если бы Буров на этом и остановился. Но на третий год пребывания в своей должности, когда его позиции окрепли, а сам он окончательно разобрался с подводными течениями, Сергей Иванович вдруг решил сунуть нос в дела минувшие. В частности, заняться вопросами правомерности уже существующих объектов. Он вполне серьезно намеревался навести порядок в этой сфере.

Может показаться, что вопрос далеко не первостепенной важности, и потом, в этих зданиях имеются рабочие места. Но это только с одной стороны. А если взглянуть с другой? Здания возведены с прямыми нарушениями строительных норм, без предусмотренных автомобильных стоянок, вплотную к тротуарам и, как следствие, проезжей части. Все это ведет к скученности и уменьшению пропускной способности дорог.

Иными словами, вместо благоустройства, чему должны способствовать новые, современные постройки, эффект совершенно противоположный. Причем по разработанным проектам все должно было выглядеть совсем иначе, как, впрочем, и архитектура самих зданий. Тут главное получить разрешение под любым благовидным предлогом, а потом уже начинаешь городить огород как твоей душе угодно.

Естественно, город становится в позу и начинает тыкать в нос проект, но не настойчиво так, несерьезно. Подаешь в суд и вводишь в эксплуатацию, отдав энную сумму. Судья, разумеется, не дурак и понимает, что его решение может быть легко обжаловано в высшей инстанции. Но все прекрасно понимают, что везде смазано и город дальше судиться не пойдет, а это решение нужно только для того, чтобы оно было, в качестве страховки.

Для воплощения в жизнь задуманного Буров задействовал одного из ведущих столичных юристов, услуги которого стоили ой как недешево, но и выхода иного не было. Нет у них права на ошибку. Только успех. Владельцы первых трех объектов, которые намеревался снести глава города, были людьми при деньгах, но не сказать, что обладали огромными состояниями. По большому счету представители среднего класса. Хотя это с какой колокольни поглядеть.

Выбраны они были по совету все того же юриста. При решении вопроса с ними руководство города не должно было столкнуться с особо сильным противодействием, а потому и шансы на успех были куда выше. Потом, когда будет создан прецедент, можно браться и за более крупную рыбу.

Город охватила легкая паника. Ну как легкая. Для всех по-разному. Владельцы зданий и магазинов, знавшие, что у них рыльце в пушку, начали в спешном порядке выставлять недвижимость на продажу. Цены ухнули вниз. Рядовые горожане посматривали на «хозяев жизни» с нескрываемым злорадством, в особенности те, кто всячески противился строительству и потерпел неудачу в этой неравной борьбе. Никто не сомневался, что их Бульдог, как за глаза называли Бурова, никому не попустит.

Сейчас как раз закончилось очередное совещание, где обсуждался вопрос выхода на финишную прямую дел по трем объектам, подвергшимся первой атаке. Все шло как по маслу. Юрист заверил, что у судей не останется иного выбора, как принять законное решение. Чего скромничать, к своей части он подошел весьма вдумчиво, не оставляя шанса ни на какие увертки. Молодец, настоящий профи.

– Ты не передергивай, Сергей, – глядя прямо в глаза своему начальнику, осадил его мужчина средних лет, крепкого сложения, с наметившейся полнотой и шрамом на левом виске. Говорил он с нескрываемым беспокойством, хотя весь его облик указывал на то, что встречать опасность грудью ему не впервой. Но тут он вроде как волнуется, и не по-детски так.

– Команда у тебя была, есть и будет, – продолжил мужчина, – но только пока есть ты сам.

– Ты это сейчас к чему, Вася?

– А все к тому же. Пока ты во главе, все тип-топ, а если тебя не станет – и нам всем не удержаться, и начинания твои развеются. И плевать, что я целиком на твоей стороне. Другая метла начнет мести по-новому. Ты решил разворошить муравейник и думаешь, что тебе все сойдет с рук. Ошибочка.

– Я тебя умоляю. Ну не грохнут же меня. Сейчас не лихие девяностые и даже не начало двухтысячных. Второй десяток пошел на размен.

– Ты был бы прав, если бы оставил все в прежнем виде. Ну скрипит народ. Ну проявляет недовольство. Ну и черт с ним. Покумекают, прикинут, где и как еще можно заработать, не глупые, разберутся. Но ты вздумал ломать старое и уже устоявшееся. А ведь то, что ты планируешь снести, стоит не один десяток миллионов. Найдется достаточно таких, кто будет только сотрясать воздух своим недовольством, но сыщутся и те, кто решит, что нет человека – нет проблемы, а главное, больших убытков. Ведь если ты добьешься своего, то многих попросту пустишь по миру.

– Они знали, на что идут, когда затевали незаконное строительство и отваливали солидные взятки. И кстати, все свои вложения они уже успели отбить и даже навариться. И ты, и я также имеем подобную недвижимость, и, как там обстоят дела, нам известно не понаслышке. Только мы, в отличие от многих, строили по закону, хотя нам это вышло дороже, и все равно мы в барыше.

– Ну и что с того? Ты хочешь отобрать у людей бутерброд с маслом и думаешь, что они так легко на это согласятся?

– А чего это ты только сейчас забил в набат? Чего не тревожился вначале?

– Потому что тогда думал так же, как и ты.

– А теперь иначе?

– Не надо на меня так смотреть, Сергей. Мы с тобой слишком много пережили, и сомневаться в моей дружбе ты не имеешь никакого права, ни законного, ни морального.

Что и говорить, пережили они и впрямь много. Началось все в Рязанском высшем воздушно-десантном командном училище, где они вместе учились. Потом Афганистан, куда за год до вывода войск попали служить два молодых лейтенанта. Там оба были ранены, и в память об этом этапе службы у Василия Евдокимова на виске остался шрам, подобную же отметину, но только на бедре, имел и Сергей Буров. Ранило их, кстати, в одном и том же бою. Их спецгруппа попала в засаду и полегла практически сразу, а они вдвоем отбивались чуть ли не от взвода духов. Спасибо командиру полка, среагировал вовремя и сумел вытащить хотя бы их двоих.

Потом был Таджикистан. Дальше первая чеченская, от первого и до последнего дня. После войны их пути на некоторое время разошлись в связи с увольнением Бурова. Но через несколько лет они снова сошлись и уже больше десяти лет не расставались. За это время их дружба также прошла не одно испытание, в том числе и деньгами. Нет, сомневаться в дружбе Василия он не имел никакого права.

– Прости, дружище. Я что-то того…

– То-то и оно, что того. Ладно, проехали, – примирительно произнес Евдокимов. – Ты над другим подумай. Ведь по городу ездишь, видишь, сколько продается недвижимости.

– Разумеется, вижу. Пытаются вытянуть хоть что-то. Утопающий хватается за соломинку.

– Ага. А ты в курсе, что у многих зданий уже поменялись хозяева, хотя объявления о продаже все еще и висят?

– Что? – Новость была просто ошеломляющей.

Чтобы нашелся идиот, решивший вложить солидную сумму в такое рисковое предприятие? Нет, ну, может быть, один дурак и найдется, ну два. Но Василий говорит чуть ли не о массовом помешательстве. Да еще и сделки проворачиваются втайне. Тут ведь не нужно ставить в известность власти, дела касаются частной собственности. Ни Регистрационная палата, ни налоговая инспекция вовсе не обязаны уведомлять главу города о сделках. Недвижимое имущество переходит из рук в руки, делов-то.

На подобный шаг может пойти только тот, кто обладает какой-то информацией, позволяющей рассчитывать на удачный исход предприятия. Помнится, Буров тоже рискнул, и весьма серьезно, поставив все на кон, и выиграл. Август тысяча девятьсот девяносто восьмого многих низверг в пучину, но только не тех, кто обладал хотя бы толикой информации. Ему повезло, и год, ставший для многих трагичным, для него оказался стартом.

Но на что могут рассчитывать в нынешней ситуации те, кто вкладывается в недвижимость, само существование которой под большим вопросом? Компенсация от государства? Бред. Скупить по дешевке, а когда затея главы провалится, навариться? Но у города просто нет шансов проиграть.

Невозможно все и везде утрясти. Одно дело, когда за дело берется двухкопеечный адвокат, и совсем другое – столичный умник с именем, да еще с легкостью согласившийся на основную оплату после выигрыша дела. Перекупили? А оно ему надо? Он не проиграл ни одного дела, он человек с репутацией. Рисковать именем даже ради солидного барыша – не в его интересах.

Остается одно. Кто-то уверен в том, что до суда не дойдет. А произойти это может только в том случае, если отступит он, Буров. Но он отступать не намерен ни под каким видом. Причина такого желания могла показаться кому-то наивной, но он так не считал. Он собирался навести порядок вот здесь, в своем городе. Сергей верил в то, что он не одинок и найдутся многие, кто захочет приложить усилия, чтобы увидеть Россию сильной и самодостаточной державой.

Для этого каждый просто должен делать ровно столько, сколько способен. Рабочий – качественно и в срок свою работу. Чиновник – честно исполнять возложенные на него обязанности, а не думать над тем, как бы попутно остричь очередного просителя. Сам Буров имел возможность обеспечить торжество закона в отдельно взятом городе и был намерен этого добиться. А там, чем черт не шутит, может, появится и более широкое поле деятельности, но сейчас он здесь. Пока здесь. Но, как видно, кто-то решил, что глава города засиделся на своем месте. Однако убивать…

– Вижу, что теперь и тебя проняло, – медленно качнув головой, произнес Евдокимов.

– Это не то, что ты подумал. Когда…

– Когда я узнал? Буквально перед совещанием.

– Стареешь, Василий.

– Возможно. Во всяком случае, я этого не ожидал, – вздохнув, повинился тот.

После увольнения в запас Евдокимов, не найдя себя на гражданке, устроился в милицию, где служил в уголовном розыске. К моменту, когда он снова встретился с Сергеем, выслуга вполне позволяла ему уйти на пенсию, спасибо бурной молодости, прошедшей в горячих точках. Дела его бывшего сослуживца быстро шли в гору, и он как раз искал человека на должность начальника службы безопасности, который по совместительству возглавил бы только что созданное частное охранное предприятие. Вот этим и занялся его друг, с которым пережито было немало и которому Буров мог по-настоящему доверять. Так что укор звучал вполне обоснованно.

– Ладно. Завтра с утра жди меня в офисе. Собери все руководство, – подразумевая свое строительное управление, в настоящий момент оформленное на супругу, распорядился Буров. – Если меня и есть за что прищучить, то только там.

– Ты думаешь, они станут заморачиваться с уголовным преследованием? Сергей…

– Вася, не поднимай бурю в стакане. Убийство главы города никто не спустит. Тут такое начнется, что мама не горюй. А тот, кто стоит за этими приобретениями, хочет заработать, возможно, еще и спасти свои активы. Незачем ему поднимать такой шум.

– А если…

– Нет никаких «если» и быть не может. Было бы – давно взяли бы за задницу, просто чтобы поиметь и навариться.

– Я тебя понял, Сергей. Я тут это…

– Что-то еще в подобном духе? Нет? Тогда все завтра.

– Короче, со мной приехали четверо ребят. Они в твоем распоряжении.

– Телохранителей, выходит, решил приставить.

– Сергей, самые простые решения зачастую оказываются самыми действенными, – набычился Василий.

– Не дури. Не хватало еще выглядеть смешным. Отпусти ребят. Говорю тебе, все нормально. Это уже перебор.

– Ну тогда хоть это.

Евдокимов достал из своего портфеля кобуру с пистолетом и запасной обоймой и положил перед другом. Затем оттуда же был извлечен обычного конторского вида журнал, который Василий сноровисто раскрыл на нужной странице и присовокупил к оружию. Сергей Иванович без труда опознал книгу выдачи оружия их ЧОПа и многозначительно посмотрел на Евдокимова.

– Или так, или парни останутся с тобой. Расписывайся, – упрямо буркнул тот, впившись в друга не менее многозначительным взглядом.

– Лучше перебдеть, чем недобдеть. Так, Вася?

– Пусть все закончится. Потом вместе смеяться будем.

– Ладно.

Буров быстро расписался и отодвинул от себя книгу. Потом, недовольно вздохнув, под пристальным взглядом своего начальника службы безопасности начал укреплять кобуру на поясе. Может, деловая хватка у Василия и послабее, чем у самого Сергея, но характер у него был упертый. Поэтому, никаких сомнений, это самое малое, на что он согласится.

– Теперь все.

– Девятый в стволе. – Евдокимов подразумевал, что оружие уже изготовлено к бою. Все как во времена их бурной молодости.

– Я догадался, – подтверждая свои слова легким кивком, произнес глава города и, похлопав по кобуре, закончил: – Все это ерунда, Вася. Завтра в восемь в управлении. Засада где-то там, и нам нужно понять, в чем именно. Все. До завтра. Мне еще нужно немного повозиться с документами.

Вопреки последним словам Буров за документы так и не взялся. Не то настроение. Ему никак не удавалось отвлечься от одолевавших его мыслей. Не сказать, что он прожил безгрешную жизнь, хотя ни о чем и не жалел. В том, что по нему ударят, он не сомневался. Но откуда будет нанесен удар? Этот вопрос не давал покоя.

Мысли как-то сами собой свернули в другую сторону. Отчего-то на ум стали приходить только воспоминания. Безоблачное детство в рядовой советской семье. Осуществившаяся мечта, когда на его плечи легли голубые погоны с желтым курсантским галуном. Он тогда уже был на пути к осуществлению своей мечты стать офицером ВДВ.

Потом были Афганистан, Таджикистан, Чечня. Ранение, госпиталь, награды, бесконечные командировки, семья, проживающая в отцовском доме с его родителями и с которой он виделся крайне редко. Жена порывалась уехать с ним, но брать ее в горячие точки глупее не придумаешь. Так и жили порознь, видясь раз в год, во время отпусков. Спасибо родителям, если бы не они, то неизвестно, осталась бы у него семья или он ее потерял бы. И жене спасибо, чего уж, хлебнуть ей пришлось.

Первая чеченская его все же сломала, хотя он имел репутацию стоящего боевого офицера, имел на счету несколько удачных боевых операций. Однажды с десятью бойцами трое суток висел на плечах банды. Тогда он сумел прижать более трех десятков боевиков. В не такую уж и удачную для федералов кампанию гонялся за превосходящим по численности противником, перебил всех, да еще и не потерял ни одного из своих. А ребятки у него были не спецназовцами. Вот тогда-то он и получил свое прозвище – Бульдог, подразумевающее мертвую хватку.

Сразу после Хасавюртовских соглашений он написал рапорт на увольнение. Понять и принять предательство правительством своих же солдат он не сумел. Он не знал, как будет жить, потому что к этому времени жизнь на гражданке ушла значительно вперед, но и продолжать служить больше не мог. Ему оставалось только получить причитающиеся боевые и распрощаться с армией навсегда.

В то время у братвы была такая статья дохода – рэкет контрактников и офицеров. Их «стригли» после получения боевых. Механизмы были различные, ставки также от тридцати до пятидесяти процентов от заработанного. Не минула эта чаша и его. Покинув с карманами, полными денег, территорию части, он столкнулся с троими. Ребята явно привыкли иметь дело с куда менее решительно настроенными гражданами. Сергей же не намерен был расставаться с кровно, в прямом смысле этого слова, заработанными деньгами. Результат этой встречи – три трупа.

Он слишком поздно сообразил, что следовало бы одного оставить, уж больно все смахивало на прямую наводку. Братки знали точно, сколько он получил и сколько должен отслюнявить. Очень хотелось познакомиться поближе с тем, кто занимался сливом информации, но три трупа не располагали к тому, чтобы затевать расследование. Тут важно было унести ноги и постараться не наследить.

Не наследил. Мало того, на него не вышли и братки. Возможно, он подвергся нападению какой-нибудь отдельной группы из трех качков и наводчика, имеющего доступ к ведомостям. Но та история не нашла никакого продолжения.

Уволившись, Буров вернулся в родной город к семье. Тут ему повезло встретиться с другом детства, он занимался скупкой чеков на северах, приобретением по ним автомобилей и реализацией оных. Сергей влез в это несколько поздно, но зато вложил в предприятие все свои наличные средства, на чем сумел изрядно заработать.

Потом грянул август девяносто восьмого. Ему опять повезло. Жена работала в банке и что-то там такое услышала, о чем поведала мужу. Долго размышлять он не стал. К этому моменту у него имелась солидная сумма в долларах – несмотря на то что зеленый американский рубль уже несколько лет держался на одной отметке, Сергей предпочитал доверять ему.

Была трехкомнатная квартира, имелось четыре «газели», бегающие по маршруту с наемными водителями и приносящие доход. Имелась машина, новенькая «девяносто девятая».

Сергей продал все. Продал быстро и по заниженной цене. Никто не удивился подобной поспешности, мало ли где и как мог залететь человек. Не удивились и торговцы валютой, когда он кинулся покупать валюту. Есть долг, и нужно отдать долларами, обычное в общем-то дело. А потом грянул гром.

На этой афере он сумел увеличить свой капитал чуть ли не в пять раз. Угрызениями совести он не мучился. Ведь те, кто кинулся скупать его имущество по бросовым ценам, тоже не особо терзались, хотя перетерпи они пару-тройку дней, успей перевести рубли в доллары… Время такое, так что приходилось выживать. Он лично никого не обкрадывал и по большому счету ничего противозаконного не делал. Чего не скажешь о правительстве, в очередной раз огревшем своих граждан по голове. Многие так и не смогли оправиться от того страшного удара. Но только не он.

Потом была подсмотренная в краевом центре идея с радиотакси. Это ноу-хау только-только начало шествие по стране, и он был первым, кто догадался открыть подобную фирму в их городе. Буквально за месяц он с легкостью отбил все свои вложения и получил серьезную прибыль. К этому времени в фирме работало около сотни водителей. И на этот раз ему не нужно было вкладывать деньги в техническое поддержание транспорта, как это было с маршрутками. Водители приходили работать на своих автомобилях и за техническим состоянием следили сами.

Казалось бы, вот оно, золотое дно. Довольны все. Довольны водители, потому как зарабатывали весьма серьезные по тем временам деньги. Довольны пассажиры, потому что теперь было достаточно позвонить, и в кратчайшие сроки транспорт будет стоять под адресом, а цена в сравнении с теми же частниками просто смешная. Если кто и проиграл, то те же частники, но тут уж никуда не денешься, конкуренция.

Уже в следующем месяце открылось сразу шесть фирм. Спустя еще один их стало восемнадцать, через год цифра подобралась к тридцати. И это в небольшом городке с населением около ста тысяч человек. Тем не менее работы хватало всем, а фирма Сергея продолжала лидировать, при этом и его доходы не упали, что объяснялось повышенным спросом. Но долго подобное продолжаться не могло, слишком высокая конкуренция. Нужно было искать что-то более стабильное.

Имея запас денежных средств, он влез в строительство. Проблем с квалифицированными работниками не возникало, и он сумел собрать вокруг себя инженеров и прорабов с большим опытом работы за плечами, которые остались не у дел после развала госпредприятий. Построил одно здание, с успехом его продал, построил еще два и также сумел реализовать. С бутиками и сомнительными участками не связывался. Земли тогда в городе еще хватало с избытком.

Разумеется, не обошлось без противостояния с горожанами. А и то, кому понравится, что у кого-то денег куры не клюют и они строят такие здания. Но если вокруг других объектов кипели страсти, у него все проходило более или менее спокойно. Во-первых, сдружившись с проектировщиком, он последовал его совету и строил в строгом соответствии со строительными нормами и правилами. Так что даже в суде мог без труда доказать свою правоту. Во-вторых, он никогда не обижал людей. Откровенно разъяснял, как обстоит все на деле, пояснял, что выиграет любое судебное разбирательство, но, как нормальный человек, готов оказать соседям посильную помощь, в разумных пределах. Где-то это были детские площадки. В другом месте – прокладка канализации, которая, собственно, все одно была необходима для его объекта. В третьем – установка в подъездах металлических дверей с кодовыми замками.

Оно и не особо затратно в сравнении с объемами строительства, и все одно экономия. Судебная тяжба могла обойтись куда дороже. Тут даже не стоило брать в расчет сами затраты на

разрешение конфликтов. Одно только приостановление строительства уже грозило изрядными убытками.

Все бы хорошо, если бы на начавшего преуспевать строителя не обратили внимание авторитеты воровского мира. Но платить им он отказался, послав по известному адресу и заявив, что если те не отвяжутся, то он обратится в правоохранительные органы. Может, кому и западло, но он не погнушается, по понятиям пусть живут те, кто выбрал такую жизнь.

И тогда ему пригрозили расправой. Вот так походя наехали и поставили в известность: если он не раскошелится, то поплатится не только сам, но и его близкие. Зря они так. Сергей понятия не имел, насколько те серьезно настроены, все же был уже двухтысячный, а не девяностые, но память о них была еще свежа. Рисковать собой он был готов, но семья…

На правоохранительные органы надеяться не приходилось. Сыграла тут свою роль и их продажность, и их беззубость. А возможно, он ошибался и, если бы обратился, те непременно помогли бы. Но факт остается фактом, в милицию Сергей не пошел. Вместо этого он разыскал одного из своих бывших бойцов. Тот проживал в селе, и дела у него были прямо-таки швах.

В один из вечеров, еще до истечения срока ультиматума, поставленного Сергею, на одну из саун было совершено вооруженное нападение. Трое в масках и с автоматами устроили там настоящее побоище. Девять трупов. Выжили только две женщины из обслуживающего персонала, которых не тронули, да повезло путанам, которые попросту не успели приехать на место работы.

В том, что случилось дальше, вины Сергея не было. Парни на радостях и на кураже напились и улетели с трассы. Три трупа. При них обнаружили оружие, крупную сумму в долларах, а также драгоценности, дорогие часы, золотые портсигары и зажигалки. Короче, то, что налетчики посчитали своей добычей и забрали с трупов. Дело списали как вооруженный разбой и прекратили в связи с гибелью фигурантов. Все. Концы обрублены.

После этого случая Сергей всерьез озаботился безопасностью, благо его строительное управление разрасталось. По этой причине он создал ЧОП, руководить которым пригласил своего старинного товарища, Евдокимова. После этого на него наезжать больше не пытались. А может, братков остановил вовсе и не ЧОП, а поползшие по городу слухи о том, что Бурова лучше не трогать. Как бы то ни было, но с ворами все устаканилось, вроде как и само собой.

Как известно, жить без проблем трудно. Неинтересно так, когда все гладко и спокойно. Вот и ему не жилось тихо. Вернее, он бы с удовольствием, но вот то обстоятельство, что этот гад жирует, а бедные работники ОБЭП влачат жалкое существование, не давало им покоя. Пришлось столкнуться с милицией. Нет, он честно предоставлял все сведения, благо предпочитал обходиться без левой бухгалтерии и сверхприбылей, потому как придерживался простого принципа – человеку для жизни много не надо.

В этом его полностью поддерживала жена, наблюдая за тем, как сходят с ума дети во многих обеспеченных семьях. Так что в быту они были достаточно скромными. Хотя пожелай, то могли бы и развернуться. Даже несмотря на жесткую конкуренцию, фирма такси, полностью легшая на плечи жены, приносила стабильную и немаленькую прибыль. Все же удачный и своевременный старт что-то да значит. Капала копейка и с трехэтажного здания, сдаваемого сразу нескольким арендаторам. А тут еще и строительное управление.

Проверка парализовала деятельность практически всех его активов. Досталось и ЧОПу. Но Буров терпел и честно пытался понять, что тут вообще происходит. Он конечно же не вчера родился. Но одно дело, когда тащат за ушко того, у кого рыльце в пуху. И совсем другое, когда ты работаешь, выполняя все требования закона. Он прямо спросил – что вообще происходит? Объяснили.

Повезло только двум операм, которые не имели отношения к проверке его управления. Нет, на этот раз Буров не стал преступать закон. С чего бы? Ведь никто не собирался покушаться на его семью. Сработали служба собственной безопасности и прокуратура. Единствен-

ное, что он сделал, – это приплатил и тем и другим, но не за фальсификацию дела, боже упаси, а чтобы эти завистливые архаровцы не смогли выскользнуть. Заплатил, кстати, больше, чем с него требовали неудачливые вымогатели, но ничуть об этом не пожалел.

С тех пор в городе его стали называть Бульдогом. Он здорово веселился, когда об этом услышал. Уже второй раз к нему прилипало это прозвище. Правда, к этому времени Сергей свет-Иванович успел погрузнеть и наесть щеки, так что положа руку на сердце отдаленное сходство присутствовало. Но хотелось думать, что связано это с другим. Ну очень хотелось. Ведь редко какой мужик будет спокойно реагировать на то, что его тыкают в непропорциональную комплекцию. Про женщин помолчим, потому как это вообще отдельная тема. Нет, точно лучше помолчать.

Наконец ситуация в стране стала меняться. Во всяком случае, настал тот момент, когда он поверил в это и решил, что оставаться в стороне не может. О том, чтобы лезть в Думу, не могло быть и речи. Да и неинтересно это было Бурову. Хотелось навести порядок у себя в городе. Он не вступал ни в какие партии и на выборы главы городской администрации пошел как самовыдвиженец. Ему не было необходимости демонстрировать людям свою заботу. Горожане и так видели, что собой представляет этот кандидат, потому как он жил среди них, и, даже когда не думал о выборах, жил по совести.

Им была построена церковь. Поддерживалась спортивная школа, где имелись два зала – секции самбо и бокса. Тренировки были бесплатными и только для детей из малоимущих семей. В качестве платы каждый обучаемый должен был предоставлять на проверку дневник. Прямо как в его детские годы. Многие мальчишки и девчонки взялись за ум, во всяком случае, сумели нормально закончить школу. За что родители были ему искренне благодарны.

Несмотря на то обстоятельство, что в этой школе дети занимались спортом исключительно в свое удовольствие, троим она дала толчок в большой спорт. Буров всячески поддерживал земляков, и уже были кое-какие достижения на международном уровне. Разумеется, они не могли не отблагодарить его парой выступлений в поддержку своего кандидата.

Он выступал спонсором на различных конкурсах, будь то танцевальные или художественные. Тут вина его дочерей, одна из которых хорошо танцевала, а вторая рисовала. Но все по-честному. Его дети ни разу не взяли первых мест. В родном городе. Их просто засуживали, и Буров в этом искренне каялся перед женой и дочками. Но их таланты были оценены в других городах, и этими победами они гордились вполне заслуженно, высоко неся нос перед радостным отцом.

Его управление помогало с ремонтом в детских садах, не отличающихся престижностью, но выделяющихся более скромным финансированием. За что также получал толику уважения горожан.

Оказывал помощь детскому дому. Здесь он бывал минимум раз в неделю, вникая в трудности подшефных и оказывая посильную помощь. Практически все воспитанники называли его «наш дядька Сергей», бывало, и в драку лезли, если кто о нем отзывался негативно. А главное, каждый знал, что если пожелает, то Буров предоставит им рабочие места, разумеется, не наобум, а после получения специальности, чему он также способствовал.

Все это носило не эпизодический характер, а было частью его жизни. Так что, когда он засобирался на выборы, вряд ли у кого-то возникли сомнения в том, кто именно победит. Его тут же начали одолевать эмиссары различных партий, ни к одной из которых он так и не примкнул.

Кто знает, может, и не должно было быть никаких подтасовок. А может, все было спланировано и подготовлено. Но даже если и так, то этот номер не прошел. Не ограничиваясь наблюдателями, Буров заручился также лояльностью одного члена учетной комиссии на каждом избирательном участке. Им нужно было только объявить о своей принципиальной пози-

ции в отношении честного подсчета голосов, когда удалят всех наблюдателей и комиссия останется в одиночестве, что они и сделали.

Семьдесят два процента проголосовавших отдали свои голоса за него. За человека, ведшего не всегда праведную жизнь, но старавшегося жить в ладу со своей совестью. Возможно, она у него имеет извращенную форму и он никоим образом не может спокойно спать и видеть сны. Но он спит. Потому что верит в свою правоту и в то, что живет не напрасно.

– Что-то ты, дружище, расчувствовался. Всю жизнь по косточкам перебрал. А ведь говорят, перед смертью вспоминаешь… Стоп. Ты что, боишься, Бульдог? Есть малеха. Спокойно. Плевать, что говорят. Сейчас не девяностые. Есть закон. Есть ми… хм… полиция, и она уже набрала свой вес и авторитет. Есть другие службы. Ну не дебилы же они так-то нарываться. Все. Пора домой.

Мелькнула было мысль оставить пистолет в сейфе, но он ее отмел. Дело даже не в том, что он чего-то там опасался. Нет. Просто оставлять без присмотра оружие… Даже в сейфе… Даже в своем кабинете… Ну его к лешему. Завтра сунет Василию в зубы, пусть уберет подальше. А пока лучше при себе. Но только чтобы ненароком не затерялся.

– Борис Викторович, разрешите?

– А-а, Петр. Проходи. Садись. – Высокий мужчина, не отличающийся стройным телосложением, что с успехом компенсировал дорогой костюм, сопроводил свои слова доброжелательным жестом.

– Спасибо, Борис Викторович. – Вошедший был несколько ниже хозяина кабинета, эдакий крепыш с кривыми ногами, что не могло скрыть никакое искусство портного.

Пройдя мягкой походкой, выдающей в нем весьма ловкого человека, хорошо владеющего своим телом, гость по имени Петр расположился в удобном кожаном кресле у камина. Сейчас там полыхала искусственным огнем искусственная же поленница дров. Впрочем, если доподлинно не знать, что все это бутафория, то можно было и удивиться тому, что от огня не исходит тепло.

– Выпьешь?

– Не хотелось бы, пока дело не сделано. Мало ли как оно все. Трезвая голова куда лучше хмельной.

– Уважаю. А вот я без подогрева начинаю буксовать, – наполняя коньяком рюмку, посетовал хозяин кабинета.

Те, кто впервые сталкивался с ним, могли посчитать, что Борис Викторович Воронин находится на крючке у Бахуса. На это указывало то простое обстоятельство, что при любом удобном случае он вооружался рюмкой коньяку. Но это ошибочное мнение. На самом деле внимательный наблюдатель мог заметить, что с одной-единственной рюмкой Воронин способен просидеть весь вечер, при этом будучи оживленным, шумным, общительным и вообще душой компании. Он обладал уникальной способностью заражать окружающих весельем, напоить их, что называется, в хлам, при этом оставаясь абсолютно трезвым. Ну что такое пятьдесят граммов коньяка, растянутые на весь вечер?

– Как там наши дела, Петр? – откинувшись на высокую спинку и пригубив благородного горячительного, поинтересовался Воронин.

– Пока все по плану.

– Петр, мне не очень нравится твоя привычка по поводу и без оного вставлять это «пока». Либо все идет нормально, либо нет.

– Борис Викторович, я не могу поручиться за различные случайности, из-за которых способна развалиться самая продуманная комбинация.

– Ты несносен, Петр.

– Отчего же вы не рассчитаете меня?

– Пока ты ни разу меня не подвел.

– Пока… – многозначительно посмотрев на своего работодателя, произнес крепыш.

– Все, сдаюсь. Уел. – Воронин шутливо поднял кверху левую руку, не имея возможности задействовать правую, в которой находилась рюмка.

– Борис Викторович, разрешите вопрос?

– Вот за что я тебя ценю, Петр, так это за то, что ты сначала исполняешь, а потом спрашиваешь. Правда, дело еще не закончено, но я так понимаю, что все уже на позициях. Ну-с, я слушаю.

– А обязательно было действовать столь радикально?

– С этим по-другому нельзя. Не понимаешь? Ладно. Ты знаешь, откуда у него это прозвище – Бульдог?

– Странно было бы, если бы к нему приклеилось другое, при его-то внешности.

Ничего удивительного в неосведомленности подручного хозяина кабинета не было. Он был организатором мероприятий щекотливого характера и с этим справлялся просто замечательно. Информацию же добывали и обрабатывали специально обученные люди. Петр был талантлив в другом – быстро и четко выполнить команду «фас». А Воронин привык использовать сильные стороны своих подчиненных.

– Да-а, Буров явно не красавец, и что-то бульдожье в его облике есть, – согласился с гостем Борис Викторович. – Но ты не прав. Погрузнел и заимел свои щеки он гораздо позже, чем к нему приклеилось это прозвище.

– Подразумевается бульдожья хватка?

– Именно. Это очень опасный противник. За его спиной не одна горячая точка. Понимаю, что ты хочешь сказать, но я вовсе не о его боевом опыте, хотя он и изрядный. Главное, что он почерпнул в своем военном прошлом, – решительный характер, способность быстро оценивать обстановку и действовать. Подчас жестко и беспринципно. Так вот, Бульдогом его прозвали, еще когда он был стройным, звонким и прозрачным, и именно что за хватку. Попробуй мы ему пригрозить, и он начал бы действовать.

– Но это могли бы сделать другие. Мало ли народу угодит под раздачу благодаря его затее. Да тот же бывший глава города, которому точно в этом случае не избежать головной боли. Партия партией, но, когда вскроются такие злоупотребления, мало не покажется.

– Могли бы и другие. Ну и где тогда наш интерес? Не хотят сами, тогда мы поможем, а заодно и наваримся. Сэкономленная парочка-другая миллионов евро нам никак не помешают. Ты ведь в курсе, что у меня в этом городе появились собственные интересы?

– Теперь да.

– Ну вот. А этот борец за народные интересы мне там вовсе ни к чему.

– Ну можно было бы копнуть в его прошлом. У нас нет безгрешных миллионеров. Что-нибудь да накопали бы. Это он сейчас борец за светлое будущее, а что там было в прошлом, еще как посмотреть.

– Тут два момента. Время и деньги.

– Процесс затянется, и вы ничего на этом не поимеете.

– И ты тоже, Петр. Но есть и третий момент. Если он докопается, что за этим стою я… Я тебе говорил, что он может действовать быстро и жестко? Кстати, благодаря этой комбинации я еще и предполагаемого конкурента подставлю. И все будет выглядеть так, словно я пришел на освободившуюся поляну. Чистенький и непорочный. Недвижимость выкуплю у своих же подставных, ненужную продам, но уже по другой цене, когда рынок придет в норму.

– А вы уверены, что ваш конкурент его сам бы не убрал?

– Уверен. Он как раз и пошел по тому пути, который предложил ты. Время в запасе у него пока есть. Первыми под раздачу попадут рыбешки помельче. И он, гад такой, может

успеть. Вроде у него уже что-то там вытанцовывается. Не безгрешный наш Бульдог, совсем не безгрешный, но грехи умеет прятать очень глубоко.

– А что именно, если не секрет?

– Не секрет, но уже не имеет никакого значения. Если сработаешь как по маслу.

– А если смерть Бурова ничего не остановит?

– Еще как остановит, Петр. Россия своеобразная страна. Здесь никак не могут обойтись без лидера. Обязательно должен быть кто-то, кто будет толкать, тянуть и тащить.

– Но если они успеют подать иск…

– То проще простого убедить юриста отказаться от дела. Это никак не отразится на его репутации. А другой немного перетасует документацию и с успехом проиграет дело. Мы еще и доброе дело сделаем. Спасем трех предпринимателей от неминуемого разорения.

В этот момент зазвонил телефон Петра, который тот от нечего делать медленно вращал в руках. Он взглянул на экран, потом многозначительно посмотрел на Бориса Викторовича. Отжал кнопку и поднес трубку к уху.

– Слушаю.

Ого. Это он конкретно засиделся. Время уже к полуночи. А точнее, двадцать три сорок семь. Хм. Ну и какая, собственно, разница? Зря он так. Завтра, ну да, все еще завтра, дел невпроворот. Да и не забыть бы, чтобы Евдокимов в обязательном порядке выяснил, кто это там так активно занялся недвижимостью. Хоть знать, с кем бодаться. Наверняка Аванесов. Случись Бурову победить, и тот пострадает больше всех.

На улице моросил теплый летний дождь. Ему удалось разобраться со стоявшей весь день духотой и принести с собой прохладу. Сергей Иванович остановился на крыльце, все еще укрытый козырьком, с которого стекала вода и с легким шумом по водосточным трубам сбегала на решетку ливневки. Перед ним пролегла освещенная фонарями, блестящая от влаги дорожка из желтой тротуарной плитки.

Промокшие деревья, также поблескивая влажной листвой, тихо шелестели, потревоженные легким ветерком. Они, словно живые, перешептывались, общаясь на только им одним понятном языке. Их городок всегда считался зеленым из-за обилия деревьев, выступающих непреложным обрамлением всех улиц и дворов. Но в последние годы деревьям пришлось изрядно потесниться. Когда-то заботливо взращенные человеком, теперь они уходили из города под все его же давлением. Пока это не приняло катастрофических размеров. Пока. Но в этом направлении усиленно работают очень многие.

Не отдавая себе отчета, он с наслаждением вдохнул всей грудью ночную прохладу и, непроизвольно раскинув руки, с удовольствием потянулся. Хорошо. Боже, как же хорошо. А может, сейчас взять жену и прогуляться по улицам? Подумаешь, дождик. А для чего существуют зонты? Хм. Это если она еще не спит. Да нет, не должна. Решено. Так и сделает. А дела… Господи, как говорится – если у вас болит, то радуйтесь, что болит, потому как не болит только у мертвых. Ну вот. Опять. Да пошло оно все.

– Чего это вы домой не торопитесь, Сергей Иванович? – вдруг раздался голос охранника, вышедшего вслед за Буровым.

– Да вот, Виктор, воздухом дышу. Хорошо.

– Это да. Хоть прохладно стало, а то уже почти месяц духота стоит. Хорошо все же, что не ливень. Тот пройдет, и после него вообще не продохнуть. А когда вот такой, мелкий да затяжной, тогда и прохлада, и воздух чище.

– Вот где ты прав, Виктор, там прав.

В этот момент раздался щелчок зажигалки, и в ноздри ударила вонь табачного дыма. Подышал свежим воздухом, раскудрить твою в качель. Нет, сам Буров тоже курил, вот только когда ты настроился на такой лад… когда вокруг такое блаженство…

– Умеешь ты все испортить, Виктор.

– Так, Сергей Иванович, мне же внутри-то нельзя…

– Ладно, проехали. Спокойного дежурства.

Буров, несмотря на свою комплекцию, легко сбежал с крыльца и направился к машине, одиноко маячившей на стоянке перед администрацией. Черный «мерседес» встречал его, весело искрясь застывшими и сбегающими по кузову каплями воды. Ему уже давно намекали, да и прямо говорили, что машину нужно поменять. Несолидно главе города ездить на старой машине. Это она-то старая! Прослужила пять лет без проблем и еще столько же прослужит и «мяу» не скажет, только масло меняй. А что до престижности… Да пошло оно все. Не перед кем ему выпендриваться.

Дважды пискнув и моргнув, сработала сигнализация. Авто глухо отозвалось сработавшим центральным замком. Дверца легко подалась, едва он ее потянул. В салоне вспыхнул свет. Какая-то тень мелькнула за декоративным кустарником, обрамляющим газон.

Буров уже уходил в перекат. Одновременно бросил руку к кобуре, где покоился изготовленный к бою «макаров», только сними с предохранителя. Мелькнула мысль, что у охранника на крыльце только дубинка, баллончик и электрошокер. Если с рукой все было в порядке и она без труда вспомнила, что и как надлежит делать, то погрузневшее тело не успевало отреагировать на возникшую опасность. А в том, что это опасность, он ничуть не сомневался, об этом вопило все его существо.

Выстрел! Пуля прошила тут же обрушившееся стекло дверцы и ударила в грудь. От толчка Бурова слегка повело в сторону. Грудь обожгло болью. Он сделал пару мелких шажков назад и в сторону, что уберегло его от второй пули, вжикнувшей рядом и прошившей рукав костюма. Но голова совершенно ясная. Рука с пистолетом вскинута.

Выстрел! А вот его противник на ногах не устоял. Его словно кувалдой приложило и опрокинуло на траву. Выстрел! Вторая пуля бьет в бок. Сергей буквально чувствует, как она проламывается сквозь не выдержавшее напора ребро. Гадство! Еще один!

Его разворачивает, и он видит набегающего на него мужчину худощавого телосложения. На голове капюшон, из-за чего лица не разглядеть. Надо же, даже масками не озаботились, совсем страх потеряли! А с другой стороны, ты поди еще рассмотри то лицо, капюшон большой, лицо полностью скрыто тенью. Мужик бежит, вытянув руку с пистолетом в сторону Сергея, и снова нажимает на спуск. Ствол озаряется резкой вспышкой. Пуля с противным свистом пролетает рядом с ухом. Расстояние не более пяти-шести метров. И все же мимо.

Буров все еще продолжает держать пистолет в вытянутой руке. После попадания в бок его разворачивает в сторону второго нападающего, и оружие само собой наводится на цель. Ему остается только нажать на спусковой крючок. Убийца словно наткнулся на непреодолимую стену и тут же завалился на спину, мелко засучив ногами.

Вроде все. Господи, как больно-то. Где там охранник? Ага. Понятно. Нет, ну а чего, собственно, ты ждал? Хорошо, если не сбежал, а сейчас названивает в ми… тьфу ты, в полицию и «Скорую». Ну и что делать? Лечь и ждать помощи? Вариант. Вот только не очень правильный. Если Виктор сейчас не долг свой исполняет, а наложил полные штаны… Сдохну. Как есть сдохну. А вот хрена вам всем! Я вам еще покажу, раскудрить вашу в качель.

На заплетающихся ногах он сделал четыре шага и тяжело повис на все еще распахнутой дверце. Ключи четко выделялись темным пятном на светлом сиденье. А не глупость? К черту! Если останется, то точно сдохнет. Пистолет со стуком упал на влажный асфальт, а освободившаяся рука потянулась к ключам. Потом с большим трудом ему удалось втиснуться за руль.

Авто тут же отозвалось заурчавшим двигателем, едва он провернул ключ. Хорошо все же, что коробка «автомат». Помнится, он хотел механику, но в наличии была только автоматическая. Можно, конечно, и заказать, но придется подождать, а ждать категорически не хоте-

лось. Взял то, что было. Потом попривык, а вот теперь в тему получается, потому как если бы механика, то ему нипочем не справиться.

В очередной раз мысль о совершаемой глупости мелькнула, когда он уже тронулся в путь. Но Сергей Иванович опять решительно отмел ее в сторону. Он, конечно, может и недотянуть, все же около километра ехать, но, если останется, один хрен, кранты. А жить хотелось неимоверно. Несмотря на то что он не особо много времени уделял развлечениям, жизнь он любил и наслаждался каждым прожитым днем.

Пока ехал, припомнил, что в свете фар мелькнуло лицо второго нападавшего, который выскочил из кустов на стоянку и там же завалился на спину. Лицо знакомое. Он видел этого парня в окружении Аванесова, хотя и не помнил, как его зовут. Да что там не помнил, он никогда и не знал его имени. Так, мелкая шестерка, а может, и родня какая. Ираклий Павлович вообще отличался тем, что всячески поддерживал родственников и на руководящие должности ставил их же. Значит, все же посмел. Ладно, дай только Бог доехать, а там еще посмотрим, кто кого.

В больницу или в «Скорую»? Они расположены на смежных территориях, отделенные друг от друга заборчиком. Нет. Лучше в «Скорую». Конечно, там может не оказаться ни одного экипажа, но в приемном покое хирурга точно на месте не будет, они обычно в своем отделении находятся. Опять же врачи «Скорой помощи» куда привычнее действуют в экстремальных ситуациях и решительнее своих коллег из больницы.

Дорога совершенно свободная. Когда-никогда мелькнет встречка. Поздно уже. Город практически полностью погрузился в сон. Красный сигнал светофора. Да кто на него смотрит. Машина проскакивает пустой перекресток. Еще немного. Вот и «Станция скорой помощи». Шлагбаум закрыт. Но это не преграда, это рассчитано на законопослушных водителей. Пластик разлетается на мелкие куски, и черный автомобиль влетает на просторный двор.

Буров еще успел нажать на тормоза. Заметил, что машина замерла. После чего его накрыла темнота, и он завалился на пассажирское сиденье.

– Что это?!

– Совсем охренели, борзота!

– Твою мать! Маша, вызывай ментов!

– Они сейчас уже полиция.

– Да один хрен!

Возмущению собравшихся покурить на холодке работникам «Скорой помощи» не было предела. Подумать только, какой-то нахал, перепив, протаранил шлагбаум и влетел прямиком во двор. Конечно, пьяный, а какой еще-то? Ни один в трезвом уме не станет так делать. Нет, с наглостью все нормально, но портить машину, снося шлагбаум, даже пластиковый?

– Погоди, Валера.

Самый старший из присутствующих медленно вынул сигарету изо рта и, близоруко сощурившись, глянул на машину. Водитель уже пропал из виду, завалившись на соседнее сиденье, но что-то бывалому медику не понравилось.

– Парни, а ведь это машина Бурова, – подал голос молодой водитель по имени Геннадий. Он работал в экипаже того самого врача, осадившего коллегу. Но «молодой» – это, конечно, относительно. Без стажа вождения водителем на «Станцию скорой помощи» не попадешь, требования, они существуют, чтобы их исполнять, какой бы знакомый ни был.

– Генка, тащи ящик!!! Живо!!! – едва распахнув дверцу авто, закричал врач. Потом сунулся в салон, чтобы извлечь раненого. Благодаря большому стажу и девяностым, с их разборками в криминальном мире, у него был достаточный опыт работы с огнестрельными ранениями. Так что он не растерялся, был собран и внимателен.

– Ну что там, Всеволод Борисович? – выйдя на крыльцо, поинтересовалась дежурная сестра.

Говоря это, она не сводила взгляда с пятерых мужчин, бегущих к забору, за которым начиналась территория больницы. Глупо задействовать машину и ехать в объезд, когда до приемного покоя не больше сотни метров по прямой.

– Бог весть, Машенька, – нервно отбросив в сторону окурок, ответил старший смены. – По всему, он должен был уже умереть, а он… Ты позвонила в реанимацию?

– Обижаете. Их уже встречают.

– А в полицию?

– Ага. Всеволод Борисович, а он выживет?

– Надежда, она умирает последней. Нет. Не в этом случае. Хорошо, если вообще донесут. Но с другой стороны… Бульдог, он и есть Бульдог, характер у него не подарок, а в мире всегда есть место чуду.

– Значит, только чудо.

– Только чудо, Машенька. Так, хватит тут торчать. У тебя телефон трезвонит. Марш на пост.

Глава 2
Странная встреча

Он медленно открыл глаза и, не поворачивая головы, так как сил на это просто не оставалось, осмотрелся. Наконец-то один. Неужели это сумасшествие закончилось и его все же оставили в покое? Господи, как он устал… Сначала этот чертов Алексей Григорьевич затеял венчание. Сволочь. Ведь знает же, что ему плохо, что болен. Но нет, о своей выгоде печется. А ведь просил, умолял оставить его в покое. А еще этот священник. Знай свое талдычит: «Венчается раба Божья…»

А Ванька? Иван, друг сердечный, душа родная и верная. То стоял в стороне, не вступившись, а не успели все убраться из комнаты, как тут же подлез с тестаментом[1] – подпиши Христа ради, не то всему нашему семейству конец. Плевать ему, что друг помирает, о своей шкуре имеет беспокойство, да и только.

Боже, а любил ли кто его по-настоящему? Вот думал, что Лиза любила. Как он о ней мечтал. А как любил! Вопреки православному обычаю был готов жениться. Вот только бы встать покрепче на ноги – и обязательно женился бы. Конечно, есть Катька и батюшка ее, Алексей Григорьевич, ну да не она первая окажется заточенной в монастырь, не она и последняя. Он так и решил: как только войдет в силу, обязательно разведется и женится на Лизе. А что, дед его подобное проделывал, а он разве не император? А то, что тетка она родная… Так и что с того? Дед же хотел, чтобы на Руси все по европейскому обычаю было, вот и будет.

Нет. Было бы. Лизка, стерва такая, тоже оказалась предательницей. Ведь знала, что он к ней чувствует, а тут… Когда он в последний раз к ней прибежал, вырвавшись из-под плотной опеки, у нее этот Лесток обретался. Медик недоделанный, весь из себя благообразный, любимец дамского общества. Еще дед и прачка его чухонская ему благоволили, а теперь он к Лизке подобрался, да не просто так, а под бочок. Он их, конечно, в постели не застал, но последние минуты под заклад готов отдать, было у них. Было! Он ученый. Ванька его многому научил.

Ванька! Гад! Ну как ты-то мог?! Нет, не любит его никто. Думал, еще Остерман питает нежные чувства к своему воспитаннику. А то как же. Сколько он ему потворствовал. «Не хотите учиться, ваше величество, да и бог с вами, идите гуляйте, только бы этот деспот, светлейший князь, ничего не прознал, не то мне первому достанется». А Меншиков ничего и не узнал. Пока гром не грянул, так и пребывал в неведении, думал, что Андрей Иванович его верный сподвижник. А Остерман, лиса, сам же против него заговор и возглавил.

Но он-то точно знал, что наставник его любит. Долгоруков всегда вызывал опасения, хотя и ластился, как котяра. А вот в Остермана он верил до последнего. Пока тот сюда не заявился. Ну и где он? Вместе с Долгоруковыми и Голицыными ушел куда-то. Наверное, трон делят. А вот хрен вам. Ничего не подпишу. И венчаться не стану. Помру – так хоть насмерть перегрызитесь.

Что это? Ах да. Поп. Отходную читает? А я не хочу! А кто тебя спрашивает? Тебя уж похоронили. Ладаном пахнет. Воском. Послышались приглушенные звуки, как будто кто-то ругается в дальних комнатах. Ну да, так и есть, ругаются. А чего ругаться-то, коли государь еще жив? Припомнилось, что точно такая же обстановка была, когда помирал дед. Его, еще десятилетнего мальчишку, тогда обрядили в нарядный мундир и хотели провозгласить императором. Но Меншиков всех на уши поставил и посадил на трон эту прачку чухонскую. Значит, уже грызутся. Не стали ждать, пока он помрет.

---

[1] **Тестамент** – завещание.

Дверь легонько скрипнула, и в комнату вошла какая-то женщина. Сразу и не рассмотреть, кто именно. Свечей явно мало для такой большой спальни, да еще и перед глазами все плывет, словно в них слезы стоят.

Лиза! Боже! Она его все же любит! Она пришла! На дворе ночь, мороз, до ее дома несколько верст, но она приехала, едва прознав о его болезни. Долгоруковы, сволочи, все в тайне держали. Медикус несколько раз требовал собрать консилиум, а они знай талдычат: «Царь здоров. Лечи сам, нехристь немецкая». Но вот только узнала и тут же к нему поспешила. Подошла, присела рядом.

– Лиза… – с трудом разлепив пересохшие губы, произнес тяжело больной подросток. – Ты пришла…

– Господи, Петрушенька… Мальчик мой… Что с тобой?.. Как же это?..

Она протянула руку в белой перчатке, но прикоснуться к покрытому язвами лицу так и не решилась. Он и не думал ее винить за это. Оспа – прилипчивая болезнь. Сейчас даже находиться рядом с ним опасно, можно заразиться. Оспа – это не шутки. Большинство заболевших выживают, да вот только и смерти не так чтобы и редки. И потом, даже если и выживешь, то лицо будет обезображено. А она такая красивая.

Нет. Не нужно ей болеть. Приехала, пришла к нему и, несмотря на опасность, сейчас у его постели, и за то хвала Господу. Он смотрел на нее не отрываясь, пытаясь запечатлеть образ и унести его с собой, случись все же покинуть этот бренный мир. Как он мог так плохо о ней думать?.. Ну да. Лесток ее любовник, тут никаких сомнений. Но ведь и он хорош. Только слегка приперли к стенке, как тут же согласился жениться на Катьке Долгоруковой. Ну и что делать Лизе? Вот и ударилась от отчаяния во все тяжкие. Можно ли ее в этом винить?

Но чем дольше он смотрел на нее, тем явственнее понимал, что не все так просто, как ему казалось. Вот она вроде бы рядом с больным. Вроде поначалу в ее глазах было сострадание, но теперь все изменилось. Лицо стало строгим. Между бровей пролегла легкая складка. Взгляд задумчивый, и смотрит мимо него. Голова слегка повернута в сторону двери, из-за которой доносятся отдаленные голоса. Не иначе как она внимательно прислушивается к тому, что там происходит.

Поня-атно. Не хочется ей находиться здесь. С куда большим удовольствием она сейчас была бы там, где решается судьба престола. Ну и чего же тогда сидит подле него? А кто ее пустит туда? Кто станет ее слушать? Никому не интересно ее мнение. Мало того, не останься она рядом с больным, то ее, скорее всего, попросят покинуть дворец. Только находясь рядом с ним, она может быть поближе к тому месту, где сейчас, возможно, решается именно ее судьба. И она тоже думает только об императорской короне.

Господи, да любит ли его хоть кто-нибудь на этом свете?! Только Наташенька и любила от чистого сердца, сестрица его родная. Единственная, кто ничего от него не хотел, кроме братской любви. Но ее больше нет. Померла, не вынеся тяжкой болезни. Никому он не нужен был на этом свете, кроме нее. Помрет, так никто и не всплакнет. А раз так, то и жить незачем. Устал он. Хочется тепла душевного и покоя. Будьте вы все прокляты.

– Кха…

– Что, Петруша? – все же обратила на него взор дочь Петра Великого, родная тетка нынешнего императора.

– Закладывайте лошадей. Я поеду к сестре, Наталии.

Потом он закрыл глаза и отстранился от этого мира, не принесшего ему ничего, кроме разочарований. Еще некоторое время его грудь вздымалась в прерывистом дыхании, но потом это стало происходить все реже и слабее, пока в один момент не прекратилось вовсе.

Божией милостию, Петр Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Князь Эстляндский, Лифляндский,

Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и всея Северныя страны повелитель и Государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей, и Кабардинския земли, Черкасских и Горских Князей и иных наследный Государь и Обладатель – прекратил свой бренный путь на грешной земле, устав от подлости и предательства.

Холодно-то как. Вокруг белым-бело. Нет, не просто все белое, а снежная равнина. Куда ни кинь взгляд – до горизонта снег. Впрочем, самого горизонта и не видно, небо и заснеженная равнина сливаются в нечто бесконечное.

Ну и что это значит? Он много раз видел по телевизору людей, переживших клиническую смерть. Вроде говорили о нескольких вариантах, но он помнил только про свет в конце тоннеля. Ага. Тут тоннелем и не пахнет. Зимушка-зима от края до края. Хм. А ведь и не холодно совсем. Нет, поначалу вроде… А может, это просто ассоциация такая – если кругом заснеженная равнина, то обязательно должен быть мороз. Но вот стоит он в своем летнем костюме и ничуть не мерзнет.

А тишина какая! Ни звука. Он прислушался к своему дыханию, но не услышал даже его. Тишина коконом обволокла его со всех сторон, осязаемо, мягко и нерушимо.

– Приплыли, раскудрить твою в качель.

Его голос на этой искрящейся и погруженной в полное безмолвие равнине прозвучал как-то инородно. Разумеется, он тут был впервые, но чувствовал, что человеческим голосам здесь не место. А уж в такой интерпретации и подавно.

– Прости меня, грешного, Господи! – Отчего-то вдруг захотелось повиниться в содеянном.

Повинился. От сердца повинился, без дураков. Ну и что дальше? Что делать-то? Куда идти? По всему получается, что, как он ни стремился спасти свою грешную жизнь, ничего у него не получилось. А может, он сейчас в коме и это его бред? Очень может быть. Вон и костюм отглажен, словно только что получил его из заботливых рук жены, никаких прорех, кровавых пятен. А ведь должны быть, это он точно помнит.

Ну и сколько ему тут торчать? Это же уму непостижимо, вот так вот стоять без дела. Хоть бы ощущения времени не было. Но нет. Время он чувствует, и мало того, от одной только мысли о вынужденном длительном нахождении в этом месте его бросало в дрожь. Не фигурально, а очень даже натурально. Еще и озноб по спине пробежал.

А может, как в той сказке, пойти куда глаза глядят? Можно, да только бесполезно все это. Никаких сомнений по поводу того, что эта заснеженная равнина бесконечна, у него не было. Ну и что это, рай или ад? Да нет, скорее какое-то междумирье. Это что же тогда получается – его грехи пребывают в равновесии с добродетелями и весы не знают, куда качнуться? Допустим. Ну и где, скажите на милость, судьи? Кто решит, куда ему направиться, вниз или вверх?

Ну хоть бы кто-нибудь появился и поставил ему условия, как это бывало в фильмах. Ну там – найди того, кто тебя искренне и от всего сердца любит. Или еще что, чтобы в конце концов определиться с тем, куда его направить. Так ведь нет никого. И не появится, в этом он был уверен. Мало того, его не отпускало ощущение, что ему самому придется принимать решение. Вот только бы еще знать какое.

– Это еще что за хрень?! Бубенцы? Ну да, очень похоже на то, что слышал на Масленицу.

Это он вовремя. Это он в тему. Словно ниоткуда – не из-под земли, а именно что ниоткуда – возникла несущаяся во весь опор тройка вороных, запряженных в белоснежные сани. Кони просто загляденье. Никогда ничего подобного не видел. А главное, как однояйцовые близнецы – черные как смоль, с белыми ромбовидными звездами во лбу.

И все как на картинке. По центру коренной, с развевающейся гривой, гордо несущий большую голову, по бокам пристяжные, отвернув головы в стороны. Вот только на облучке не возница в традиционном русском кафтане с мурмолкой на голове, а какой-то юнец, с красивым лицом и правильными чертами, в треуголке и шитом золотом камзоле. И нескончаемый разбитной перелив бубенцов. И все это великолепие несется прямо на него.

Он уверен, что они не отвернут. Но также не отпускала и уверенность в том, что вот сейчас ему предоставляется тот самый момент выбора – либо оставаться на месте, либо отойти в сторону и ждать дальше. Хуже нет, чем ждать и догонять. Он остался на месте, устремив пристальный и упрямый взор на несущуюся на него во весь опор тройку с бубенцами.

Лошади его не затоптали. Когда до него оставалось совсем немного, когда казалось, что вот-вот по нему пройдутся подкованные копыта, среди звона и тяжелого дыхания лошадей разнесся задорный молодой голос:

– Тпр-ру, залетные!

В лицо ударил вздыбленный снег, обдав прохладой, вслед за ним горячее дыхание лошади, резкий запах конского пота. Странно. А своего дыхания он не ощущал, как не ощущал до этого и никаких запахов. До появления этой странной тройки тут вообще все было каким-то стерильным и неестественным.

Стоп. А ведь верно. Он не чувствовал ничего. А тут и холодный снег, и жаркое дыхание, и запахи. Что бы все это значило? Что это? Никак руки и лицо начало покалывать от мороза? Это что же получается? Все здесь было нереальным до появления вот этого мальчишки. Все. Даже он. Но стоило ему появиться – и все изменилось. Вроде что-то прояснилось. И в то же время вопросов стало еще больше.

А интересно так разодет паренек. Если взять во внимание, что он сам сейчас в костюме, в котором был во время покушения, то что с этим мальцом? Какой-нибудь реконструктор в стиле восемнадцатого века, попавший в беду во время очередного фестиваля. Не факт, конечно, но как вариант… Почему бы и нет. Вот только все одно выходит, что мальчишка куда более реальный персонаж, чем он.

– Ты кто таков? – Голос чистый, звонкий, полный молодости, задора и огня.

– Буров, Сергей Иванович. А вы кто, молодой человек?

– Я тебе не молодой человек, а император Всероссийский Петр.

– Что-то вы не больно похожи на Петра Алексеевича. Ну не могли же художники настолько наврать, – с сомнением произнес Буров.

– Как это не похож? – вдруг растерялся мальчишка. – Петр Алексеевич и есть.

– Да видел я Петра Великого на картинах, там у него лицо совсем другое, опять же волосы у него темные, а ты русоволосый.

– Ну так то дед мой. А моих портретов разве не видел?

Ого! Что это? Зависть с обидой в одном флаконе?

– Погоди. Так ты Петр Второй?

– Ну да, – расправляя плечи, с гордым видом заявил парнишка.

Чудны дела Твои, Господи. Это что же получается, паренек настолько сросся со своим образом, что сам во все поверил? А с другой стороны, отчего-то не было сомнений, что все именно так и есть.

– Что ты тут делаешь? – спросил подросток, и сразу стало понятно: он привык к повиновению и к тому, что на его вопросы непременно отвечают.

– Признаться, и сам не знаю, – развел руками Сергей Иванович.

– А чего дорогу заступил?

– Дорогу? – Буров растерянно огляделся.

Да нет. Ничего не изменилось, как была снежная целина гладкая и девственная, так и есть. Ну прямо как в том анекдоте получается – это когда сидит один на рельсах, подходит к нему другой и говорит: «Подвинься».

– Да тут вроде и нет никакой дороги.

– Может, и нет, – буркнул малец, – но мне прямо надо, а ты дорогу заступил.

– А куда ты едешь?

– Ты как разговариваешь с императором?!

– А ты переедь меня, да и езжай с Богом, – самодовольно скалясь, заявил Буров, отчего-то уверившись, что поступить так этот вздорный мальчишка никак не сможет. Нельзя ему, и все тут. – Ну раз уж давить не станешь…

– К сестре я еду, к Наталии. Она меня ждет, – вдруг перебил его мальчишка, как видно смирившись, что ему не отвязаться от этого странного путника, упорно не желающего уступать дорогу.

– И где она?

– Вестимо где. В раю.

– И что, она звала тебя в гости?

– Не звала. Только сестрица завсегда мне рада была и сейчас обрадуется. Уйди с дороги, Христа ради, Сергей Иванович. – А вот теперь боль и мольба слышатся.

– А куда спешить-то? Там у вас вечность впереди, еще наболтаетесь.

– Устал я. Хочу покоя.

– А вот я, представь себе, хочу волнений, хочу боли, хочу хоть что-нибудь почувствовать, а не эту пустоту. А ведь мне годков куда больше твоего. Но я хочу, а ты устал.

Казалось бы, отойди в сторону. Чего мешать мальчишке, раз уж он принял решение. Но Буров точно знал: поступи он так, и ему опять останется пустота. Белая, неприкаянная, без холода, без запаха – пустота. А вот этого не хотелось категорически. Хотелось снова ощутить себя живым, прожить пусть не свою жизнь, а чужую, но жить, а не блуждать по бесконечной снежной пустыне.

– А ну-ка, подвинься.

Он быстро взобрался на облучок, так что мальчишка не успел ничего предпринять, и в одно мгновение вырвал у него вожжи. Он никогда не управлял лошадьми и даже не представлял, как это делается. Но не мальца же просить, в самом-то деле. Тот поведет сани только в одном направлении. К сестре. Возможно, его безгрешная душа и Бурова увезет из этой заснеженной пустоши в райские кущи, но Сергею Ивановичу туда пока не надо. Он не собирался упускать свой шанс. Призрачный, надуманный, но шанс.

Как ни странно, но лошади с легкостью подчинились новому вознице. Стоило только потянуть вожжами вправо, и тройка пошла в плавный разворот. Описала дугу. Ага. А вот и след, оставленный санями. Вот по нему, значится, и поедем.

– Не хочу-у!!!

Едва осознав, что происходит, парнишка дернулся и вознамерился выскочить из саней, но Буров вцепился в него, как в последнюю надежду, как утопающий за соломинку. Сергей Иванович знал точно: выскочи молодой Петр, упусти он его, и ничего не будет. Ему дали один-единственный шанс, и он сейчас находится рядом, верещит, пытается вырваться, не желая возвращаться туда, где ему было больно.

Не смог. Бурову отчего-то стало стыдно и противно. Он хочет жить, он готов терпеть, страдать, бороться, что-то доказывать себе и остальным. Он ко всему этому готов. А вот этот напуганный мальчик – нет. Сергей остановил лошадей. Отпустил Петра, но против ожиданий тот не убежал, а внимательно смотрел на странного мужчину, который, неловко перевалившись, выбрался из саней.

– Прости меня, мальчик. Правильно молва говорит – на чужих плечах в рай не въедешь. Езжай своей дорогой. С Богом.

– А ты?

– Не знаю. Как Господь повелит, так и будет. Хотя особо верующим я никогда не был. Так что, может, и позабудет обо мне, оставив в этих местах.

– Поехали со мной.

– Нет.

– Почему? Ведь там хорошо. Там не может быть плохо.

– Скорее всего, ты прав. Но если я поеду с тобой к твоей сестре, то обратной дороги мне уже не будет, а здесь… Здесь возможно все. Даже если придется ждать слишком долго, здесь есть надежда.

– Но там все плохо. Там предательство, интриги, боль. Там все лгут. Что там хорошего?

– То, чего нет ни в раю, ни в аду. То, что длится не вечность, а краткий миг. Там жизнь, парень. Там боль, там кровь, там грязь и смрад. Но только там мы живем по-настоящему и узнаем себе цену. А рай или ад – это уже итог. Это вечность. Это то, чего ты заслуживаешь за деяния свои. Но свершить их ты можешь, только будучи живым.

– Меня там все только предавали, лебезили, пресмыкались, а сами за спиной делали то, что им было угодно. А то и вовсе заставляли делать то, чего я не хотел. Все до единого.

– Разве не было того, кто был бы тебе верен, кто любил бы тебя от чистого сердца?

– Только Наталия.

– Сестрица?

– Она.

– Сколько тебе лет?

– Четырнадцать.

– Эх, молодость. Ты еще ничего не видел, парень. Тебе просто не повезло повстречать тех, кто по-настоящему тебя полюбит и никогда не предаст.

– А ты? Если бы ты поехал со мной? Ты бы меня не предал?

– Нет, парень.

– Мне так многие говорили, но все врали.

– Может, им ты дал не так много. Как можно предать того, кто подарил тебе второй шанс на жизнь? Может, такие и есть, но это не про меня.

– И я должен тебе верить?

– А ты веришь, что если бы я не остановился, то мы непременно вернулись бы к тебе?

Парнишка задумался. Меж бровей пролегла столь неестественно выглядящая на таком молодом лице морщинка. Губы сжались в тонкую линию. Он словно прислушался к своим ощущениям.

– Верю.

– Но я этого не стал делать. Не так ли? Я решил остаться в этой пустоши и пожелал тебе счастливого пути, по твоему выбору. Так что можешь не сомневаться – *там* у тебя будет хотя бы один, кто никогда и ни за что не предаст. И еще. Только там ты сможешь воздать всем, кто был рядом с тобой, по заслугам, а не беспомощно наблюдать за ними и грызть от отчаяния ногти. Но сейчас ты должен сам решить, по какому пути ты пойдешь. Их у тебя два, и оба открыты. Один несет боль и труды, но позволит все расставить по своим местам. Второй сулит покой и любовь сестры, но не позволит тебе сделать ничего.

– Садись, – вдруг решительно произнес Петр после продолжительного раздумья.

– Я не поеду к твоей сестре, парень, – медленно покачал головой Буров.

– А мы не к сестре. Садись, пока не передумал.

Буров быстро забрался в сани и устроился рядом с молодым императором. Жаль, не его «мерс», ноги не вытянуть. Ну да ничего, как-нибудь.

– Держи. – Петр протянул ему вожжи, предлагая править.

– Нет, парень. Решение твое, тебе и вожжи в руки.

– Я боюсь, что отверну.

– Решать тебе.

– Ты правда не предашь?

– Ни за что.

– Господи, спаси и помилуй! – Парнишка истово перекрестился, как могут только верящие искренне, всем сердцем и душой. – Н-но, залетные!!!

Лошади пошли разом и очень быстро набрали скорость. Студеный ветер обдал тело, с легкостью забираясь под одежду и заставляя ежиться. Буров глянул на Петра. Как видно, и тому сейчас было холодно, но вид решительный. Упрям. Не отвернет.

Вдруг на смену морозному, чистому воздуху пришла духота. Только что мерзшее тело обдало жаром. Белая пустошь растаяла в непроглядной, пугающей и молчаливой мгле…

Ну вот. А как было хорошо. Теперь опять эта боль, выворачивающий наизнанку кашель, жар, зуд в язвах, которые нельзя трогать, чтобы не стать полным страшилищем (так медикус сказывал). А еще все эти лицемеры. Даже Лизка, змея подколодная. Не станет открывать глаза. Не хочет он ничего. Пропади все пропадом. Хочет к Наталии. Не нужен он тут никому. Не любит его никто. А ведь он всех старался оделить своей любовью, одаривал ею щедро, без раздумий.

Что это? Что-то прохладное капнуло на закрытое веко, заставив его слегка вздрогнуть. Вот еще. Только на этот раз на губы. Всхлип? Еще один. Никак рядом кто-то плачет? Лизонька, так ты все же убиваешься по мне! Радость моя ненаглядная!

Петр резко открыл глаза, но тут же поспешил зажмуриться. Все было по-прежнему, стояла ночь, и свечей в его спальне не прибавилось, в этом он был абсолютно уверен, да только свет все одно стеганул по глазам. Переждав пару мгновений, он снова их открыл. Сначала были разноцветные круги, потом взор прояснился. В нос ударили знакомые запахи, правда, сейчас в основном пахло не очень приятно, ладаном и воском, ну да и бог с ним, еще совсем недавно он вообще ничего не чувствовал.

А где Лиза? Он повел глазами и даже нашел в себе силы повернуть голову, чтобы иметь возможность большего обзора. Но комната была пуста. Нет, не так. Здесь не было никого из тех, кого бы он хотел видеть. Вжавшись в стены, с выпученными от ужаса глазами и мелко крестясь – замерли холопы. Двое мужиков в смешно сидящих на них ливреях немецкого покроя и две бабенки. Никак привидение какое узрели.

А глаза-то у всех на мокром месте. Не иначе как слезы лили, пока испуг не пришел. Теперь-то не плачут. Теперь даже как дышать позабыли. Ох и умора. Вот не было бы так хреново, обязательно оборжался бы. А Лизы нет. Да и бог с ней. Горло першит так, что спасу нет.

– Пить, – произнес больной слабым голосом. Настолько слабым, что и не понять, что там прошелестел голосок юного императора.

– Ась? – растерянно пролепетал один из холопов. Ну точно, Васька. Он уже переболел оспой, и медикус его определил ухаживать за Петром, потому как хворь ему не страшна. А ничего, повезло паразиту, только две отметинки остались, одна на подбородке, а другая на виске. Вот бы и ему так. Лучше бы вообще гладкий лик остался, но это пустые мечты. Так пить-то ему дадут аль нет?

– Пить, – чуть громче произнес больной.

– Пить? Пить! Свет наш солнышко Петр Алексеевич! Радость-то какая!

Все четверо разом бросились к постели, рухнув на колени и потянув к нему руки. Холопы, рабы, люди бесправные и подневольные, но именно они искренне и от чистого сердца оплакивали его горькую судьбу. Это их слезы, роняемые на его чело, привели в чувство обес-

памятевшего. Знать, все же есть те, кто любит его всей душой. Обидно, что это не те, кому он так щедро раздаривал свою любовь, но и радостно, потому как есть такие, кому он дорог по-настоящему. Народ русский, великий, могучий, многострадальный и сердобольный.

– Васька, шельма. Ты пить-то дашь? – Голос крепчал, хотя все так же оставался слабым и тихим. Но как говорится – смотря с чем сравнивать.

Пить все же поднесли. Не холодная вода, как он надеялся, а теплый сбитень. Ну да оно и понятно, кто же холодное подаст больному-то. Но вот теплый сбитень… Его пить либо горячим, либо холодным, а вот так… Не то. Впрочем, нечего нос морщить, ведь полегчало же, и голос куда как крепче стал. Вот и ладушки.

– Вы чего ревете-то?

– Дык, государь-батюшка ты наш, тя уж соборовали. Думали, помер.

– А вы чего тут?

– Дык обряжаем тебя, Петр Алексеевич.

Василий с готовностью отвечал на все вопросы. Остальные только кивали, продолжали осенять себя крестом и плакали. Вот только слезы эти были слезами неподдельной радости. Он это знал точно, и от этого понимания в груди расплывалось тепло, а тело наливалось силой. Есть зачем жить! Есть ради чего бороться! Пусть все лицемеры, но народ его любит от всего сердца.

– Что же, раз так, знать, долго жить буду.

– Век живи на радость нам, Петр Алексеевич.

– Стой! Кха-кха-кха… – не вынеся резкого окрика, тут же закашлялся Петр.

Подорвавшаяся с места молодка в просторном сарафане встала как вкопанная, опасливо обернувшись к постели больного. В ней явно происходила внутренняя борьба. С одной стороны, она стремилась как можно быстрее принести радостную весть о том, что царь-батюшка не умер вовсе. С другой – не могла ослушаться приказа. А вид страдающего подростка побуждал еще и к тому, чтобы призвать медикуса, который облегчил бы страдания по сути совсем еще мальчишки.

– Никто отсюда не выйдет, – наконец отдышавшись, произнес Петр. – Дайте подумать малость.

Итак. Нужен ли он кому живым? И не захотят ли его придушить, раз уж и соборовать успели? Нет. Это вряд ли. Долгоруковы, те должны вцепиться в него мертвой хваткой. Остерман? Умен, зараза, того веса не имеет, но все же кое-что может. Ему куда лучше, если власть перейдет в другие руки, потому как, подобно Меншикову, Петра он упустил из-под своего влияния. Лиза? Это вообще кукла. Она опасна, только если трон станут прочить ей. Но ведь он не знает, кого там определили в наследники, тестамент он так и не подписал, а чего они там нарешают – бог весть. Может, тетка его сейчас уж примеряется к трону. Тогда она опасна, очень опасна.

Значит, Долгоруковы. Только они смогут обеспечить его безопасность. Но только и среди них нужно уже сейчас сеять раздор. Больно много силы взяли. А как женится император на Катьке ихней, так им и вовсе равных не станет. Опять будут им помыкать направо и налево. С чего начать?

– Василий, призови ко мне Ивана Долгорукова. Только тихо призови. Не говори, что я опамятовался. Дай глотнуть. – Пара глотков теплого сбитня смягчили горло, и подступивший было кашель так и не вырвался наружу. – Как сделать, сам сообрази, да только чтобы один он.

– Все понял, государь. Все исполню. Не изволь сомневаться.

– Ступай. А вы… смените мне рубаху. Мокрая и противная.

Его успели переодеть и протереть взопревшее тело, так что зуд в язвах немного унялся. Не исчез окончательно, куда там, но хотя бы не так докучает, и на том спасибо. Пару раз под-

ступал кашель, и остывающий сбитень уже не так помогал, но выпускать кого-либо из комнаты за горячим он и не подумал.

Он был уверен, что нужно все сделать быстро, а главное неожиданно, чтобы никакая зараза не успела подобраться. Может, и зря все это. Может, и не умыслит против него никто. Но лучше перестраховаться. Появившееся ощущение, что он один посреди вражьего стана, не отпускало.

Наконец в спальню вошел недовольный и взвинченный Иван. Ванька, фаворит и друг сердечный, собутыльник и соратник в делах увеселительных. Совсем недавно он уже предал царственного друга, отдав на растерзание своим родным, а может, он всегда делал все на благо семьи и личное благо. Ладно. Иных все одно нет.

При виде осмысленно взирающего на него государя Иван встал как вкопанный, ноги заметно подогнулись, и он едва удержался от падения, оперевшись о стену. Хорошо хоть Василий оказался сообразительным парнем, успел закрыть дверь за Долгоруковым.

– Тихо, Ваня. Не шуми. Ни к чему это.

– Государь… Петр Алексеевич… Слава тебе господи. Прямо камень с души, – скорее выдохнул, чем произнес Долгоруков, истово осеняя себя крестным знамением.

Хм. А ведь, похоже, не лукавит. Неужели и впрямь так сильно переживал, что пошел на поводу у родственников? А может, просто играет, пытаясь вернуть расположение? Очень может быть. Как, впрочем, и то, что дела для его семьи, а значит и для него лично, оборачиваются не самым лучшим образом. Оживший же император выступит гарантом их безопасности и сохранения влияния. Своя рубаха, как известно, ближе к телу. Ладно. Поглядим.

– Что там за дверями?

– Так трон твой делят. Все думу думают, кого императорской короной венчать.

– Не решили еще, стало быть. Ладно. Об этом потом. Сейчас бы на ноги встать. А там, Бог даст, разберемся. Ты со мной, Иван?

– До гробовой доски, Петр Алексеевич.

– Тогда слушай. Гвардейцы в усадьбе есть?

– Две роты преображенцев. Только батюшка велел их уводить. Но я приказ еще не отдал, – поспешно заверил фаворит.

Ну да, все еще фаворит, но уже не друг. Дружбу ему придется завоевывать по новой. И на этот раз не устройством срамных развлечений, пьянками да охотой, а службой верной и беззаветной. Сумеет переступить через родню алчную, встанет подле императора. Нет. Никогда ему не подняться на большие высоты.

– Офицеров сюда. Только без шума. И гляди, однажды ты уж пошел против меня, второй раз не прощу. И медикуса тоже тащи.

– Все исполню.

Исполнил. Не прошло и пяти минут, как все означенные с ошалелым видом стояли уже перед императором. Нет, не все. Медикус, по-бабьи всплеснув руками и лопоча с характерным акцентом что-то про чудо и невозможность происходящего, кинулся к больному. Петр хотел было отмахнуться, да куда там. Немец все порывался ощупать его с головы до ног, то пальцем живчик на запястье нашарит, то ладонь на лоб возложит. И все приговаривает, приговаривает… негромко так, но неустанно.

В конце концов Петр махнул на него рукой и сосредоточился на преображенцах. Всех четверых он знал лично, по былым охотничьим забавам. Кто бы сомневался, что Ванька приведет на охрану усадьбы роты именно тех командиров, с кем был ранее близок. Оно и к лучшему.

– Господа офицеры, готовы ли вы служить верой и правдой государю вашему?

– Готовы.

– Приказывай, Петр Алексеевич.

– Жизнь положим.

– До последнего вздоха, – наперебой заверили наконец начавшие приходить в себя офицеры. Ничего. Это нормально. Не всякий раз увидишь человека, вернувшегося с того света. Но молодцы, что быстро ориентируются.

– Тогда слушайте приказ, – вяло отмахиваясь от докучающего ему медикуса, все еще слабым голосом продолжил он. – Усадьбу от посторонних очистить немедленно. Всех за ворота. Оставить только холопов, да в количестве необходимом, не более. Измайлов, то твоя забота.

– Слушаюсь, государь.

– Охрана усадьбы на тебе, Волков.

– Слушаюсь, государь.

– Вязов, ты возьмешь под охрану сам дворец и мою спальню.

– Слушаюсь, государь.

– Немедля обговорить с медикусом, кто потребен для созыва консилиума, и всех доставить без промедления. Банин, займешься ты.

– Слушаюсь, государь.

– Иван, передашь господам тайному совету, что до моего выздоровления управление государством возлагаю на них, как оно и было с началом болезни. И еще на тебе общее командование. В усадьбе собрались персоны именитые, в последнее время привыкшие указывать, как быть, даже мне, раскудрить их в качель. Но вы, господа офицеры, просто помните, кому давали присягу на верность и крест в том целовали. Ничего не бойтесь. Я уж был за гранью, но Господь не попустил. Так что я с вами, поживу еще, не сомневайтесь. Пображничали мы, братцы, покуролесили, пора и честь знать. Пришло время послужить матушке-России. Для того мне поначалу нужно на ноги встать. С хворью мы с медикусами справимся, никуда она, клятая, не денется, а остальное от вас зависит. Ступайте.

Глава 3
Первые шаги

Утро было звонким и чистым. В окна, даже через плотные шторы, коими они были прикрыты, пробивался солнечный свет, отчего глаза слегка побаливали. Все за то, что на дворе нынче ясный и безоблачный день, а с ярко-голубого неба на укрытую снегом землю взирает ласковое солнышко. Тепла от того никакого нет, но зато сердце переполняет радость.

А что до звонкого… Так ведь иначе и не скажешь. Все разноголосые певуньи сейчас подались в теплые края, но зато воробьи чирикают без умолку. Парочка даже забралась на подоконник окна его спальни и гомонит непрестанно. Но это не раздражает, а даже наоборот, греет и дарит покой.

А может, все дело в сне. Какой он видел сон! Просыпаться не хотелось. Ему приснилась Наталия. Она была в цветастом сарафане, просторном и легковесном, с платочком, увязанным по-простому, словно и не царского роду, а крестьянка, веселая и беззаботная. Ох как она его ругала! Называла несносным мальчишкой, удумавшим невесть что, решившим сдаться и искать утешения у нее на груди. А ведь неправильно это, потому как он муж и ему полагается быть сильным, а не прятаться за девичью юбку.

Благодарила какого-то Сергея Ивановича за то, что тот наставил на путь истинный ее братца, неразумного и непутевого. Мол, воротил глупенького с полдороги. Просила присмотреть за Петрушей, ее душой и отрадой, оборонить от бед и напастей.

Видел он и этого Сергея Ивановича. Потешный дядька. Толстый и грузный, куда Андрею Ивановичу Остерману. А лицо… Щеки отвисшие, нос пимпочкой, глазки маленькие. Помнится, английский посланник подарил Петру пару щенков выведенной в их стране породы, бульдогами прозываются, так Сергей Иванович, не в обиду ему будь сказано, ну больно уж на него походит. Смех, да и только.

Но как ни забавно он выглядел, как ни странно был одет – слишком просто, без шитья дорогого, кружева и иных излишеств, отчего-то по-настоящему над ним потешаться не хотелось. Наоборот, возникло желание поговорить с ним, порасспрашивать и даже… обнять, припав к широкой груди, и расплакаться на ней благодарными слезами. С чего бы это, ведь не сделал тот ему ничего доброго. Хотя и не отпускало ощущение, что встречались они. Опять же сестрица сказывала, что тот оказал ему услугу неоценимую. Но отчего так – на ум ничего не приходило, хоть головой об стену бейся.

Хотел было поговорить. Растормошить. Но дядька лишь улыбнулся и отошел в сторону. Только и сказал, что еще наговорятся, а вот сестрица не всякий раз в гости захаживает. А потом исчез, истаял, оставив его и Наталию наедине. Ох и наговорились они. От души. Ну совсем как в былые времена, когда она по ночам прибегала к нему и они, укрывшись одним одеялом, чтобы никто не застал, болтали до самого утра.

Вот какое это было радостное и светлое утро. А еще он вдруг ощутил, что жар отступил. И пустулы, язвы оспенные, не так зудят. Не иначе как в ту ночь миновал кризис, и он сейчас пошел на поправку. Хм… Это еще что за словечко такое в голове возникло? И что оно значит? Так то и значит, что излом в болезни случился. Это, наверное, ему учителя сказывали, да он позабыл, а вот теперь вспомнил.

А ночка та веселая выдалась. Ор такой стоял, что мама не горюй. Какими только карами преображенцев ни стращали. Казнью лютой грозились. Требовали, чтобы немедля допустили до государя. Остерман, лиса, громче всех орал, не верил, думал, Долгоруковы его опять обвести вокруг пальца хотят. Ведь было уж, когда болезнь от него да от других скрыли. А тут всем

Иван распоряжается. А кто он есть? Долгоруков и есть, сын Алексея Григорьевича, пуще иных в этом деле измазавшегося и стремящегося стать тестем государя.

Пришлось внести коррективы (о, еще одно слово мудреное!) в первоначальные распоряжения, так как даже словам медикуса не поверили. Остерман и митрополит прямо кричали о намерении Долгоруковых осуществить подмену. Мол, не вышло с поддельным тестаментом, так они вон что удумали. Ведь императора соборовали и смерть зафиксировали. Про тестамент Петр сразу на ус намотал, что с того, что безусый пока.

Велел впустить господ из тайного совета, хоть и худо ему было несказанно. Нельзя было иначе. Как видно, в подмену поверили сразу и все. Даже Долгоруковы, считая это делом рук Ивана. Поначалу-то они вопили ничуть не слабее противников. Но как только сориентировались, тут же начали противиться желанию взглянуть на императора. Мол, вьюноша с того света вынулся, а его опять хотят в могилу свести.

Вот только при виде больного, со страдальчески горькой ухмылкой, но живого императора Долгоруковы опешили ничуть не меньше остальных. Окинул он их тогда внимательным взглядом, а потом глянул на Ивана. Тот все понял и, уже не церемонясь, при поддержке гвардейцев попросту выставил всех вон, не считаясь ни с возрастом, ни с положением, ни с родством. Лихо так выставил, в одночасье.

Ваня, Ваня, что же ты за человек такой? Разузнал Петр о тестаменте. Все доподлинно выяснил. Да тут и трудов особых не было. Просто поинтересовался у Василия, которого теперь, как талисман, как крест нательный, собирался при себе держать неотступно. Вляпался-таки друг и фаворит. Подпись Петра на документе подделал, да еще и выкрикнуть успел, мол, вот завещание императора, прочащее на российский престол невесту государеву Катерину, сестру самого Ивана, выходит. А теперь любой приказ с полуслова, с полувзгляда выполнить готов.

Оно вроде и понятно все. Тем более документ Василий сумел раздобыть и передать государю. Да только рубить сплеча Петр не спешил. Тут нужно все обмозговать, остыть, выздороветь, чтобы голова светлая, а не в дурмане, и только потом решать, как быть. Жизнь, она поразному может диктовать.

Вот взять хотя бы Меншикова Александра Даниловича. Ведь на что человек преданный деду был, а и то умыслил извести дитя императора от полюбовницы, дочери молдавского господаря. О безопасности своей беспокоился. Заговор учинил. Узнал бы дед, и не сносить шельме головы. Но против самого государя даже в мыслях никогда не держал. Живот был готов в любой момент положить.

Вот и Ванька, может, все больше из опасений. Хотя плаха по нему плачет. Это же додуматься надо – воспользоваться тем, что почерки их схожи, и подпись императора подделать. И за куда меньшее головы лишались. Было дело, забавы ради Петр и сам поощрял такие проказы. Несколько указов так и прошли за подписью Долгорукова, а не Петра. Теперь-то он понимает, что забава дурная была, но сделанного не воротишь.

Ванька, паршивец, заигрался. А ну как все же руку правую отрубит? Нет, второпях решать не стоит. Без верных людей не удержаться, а у него таких и нету. Деду оно куда как проще было, с его потешными. Почитай все сподвижники вышли из преображенцев да из семеновцев. А у него такого задела нет. Даже товарищей по детским играм не имеет.

А может, оставить все как есть? Пусть идет как идет. Женится на Катьке, как и обещал. Ну возьмут Долгоруковы силу. Зато ему покойно будет. Прислушался к себе и понял, что от одной только мысли о том яриться начинает, да так, что чаще задышал. Нет, не смирится он с тем, чтобы им вертели как хотят. Он император! Он! И другому не быть!

Дверь отворилась, и в спальню вошел Василий с подносом. Медикус сказывал, что больному надлежит хорошо питаться, чтобы иметь силы для борьбы с недугом. Да только аппетита у него все эти дни не было. Понимал, что надо, потому и через силу запихивал в себя. Но тут

вдруг почувствовал, что от запаха исходящей паром каши рот наполнился слюной, как будто там родник какой забил. Да резво так, аж руки от нетерпения затряслись.

Василий с блаженной улыбкой смотрел, как государь уминает кашу, запивая горячим сбитнем. Он стоял в шаге от кровати, на глаза не лез, но Петр все равно заметил, как тот мелко крестится и одними губами шепчет благодарственную молитву. Иное дело, что виду не подал. Пусть их интригуют и притворяются, народ его любит, и любовь эта дорогого стоит. Она стоит того, чтобы жизнь свою положить на службу простому люду.

Потом была уже привычная и опостылевшая процедура протирания. Несмотря ни на какие старания, рубцы обещали остаться знатные. Так ему и надо. Господь поставил его о народе заботиться, а он предался греху и забавам, про долг свой позабыв. Портреты прикажет писать без прикрас, каждый рубец обозначат, чтобы потомкам наука, не след забывать о тех, кому служить обязан по воле Божьей.

– Государь Петр Алексеевич, там до вас князь Долгоруков Алексей Григорьевич просится, – когда с медицинскими процедурами было покончено, доложил Василий.

– Что, медикус, дозволяешь посетителей принимать? – Петр вопросительно взглянул на протиравшего спиртом руки немца. – Ты не волнуйся, коли нельзя, так прямо и сказывай. Воля твоя, как моя, исполнена будет, и никто поперек слова не скажет.

– Фаше феличестфо, болеснь отступила. Потому беды большой не будет, коли фы станете принимать посетителей, но прошу фас, не утомляйтесь сильно. Фы фсе еще слабы.

– Не буду. Обещаю. Вот только одного до себя и допущу. Слышь, Василий, коли кто еще захочет, так на завтра назначай.

– Слушаюсь, государь-батюшка.

Долгоруков ждать себя не заставил. Явился тотчас, едва ему соизволение передали. Влетел как оглашенный, с выражением такого неземного счастья на лице, что не иначе как благодать Божья снизошла на него. А вид-то слащавый и приторный. Лизоблюд, раскудрить твою в качель. От таких чаще всего удара в спину жди. Если не сами, так к другим перекинутся вмиг, про долг и честь позабыв. Нет им веры, никогда не было и не будет.

Но этот как раз из тех, что за своей слащавостью звериный оскал прячут. Так что с ним вдвое аккуратнее нужно. Наверняка испугался и пришел страховкой обзавестись, а то опять государь засобирается осиротить своих подданных – и как тогда ему быть? Однажды Господь не попустил, а ну как вдругорядь не повезет? Опять же малец норов изволил показывать, даже сына родного против отца настроил. Всех от себя удалил, да не абы как, а силу применив открыто. Режутся у волчонка зубки, эдак и до беды недалеко.

– Свет мой государь Петр Алексеевич! Как здоровье твое драгоценное?

– Благодарствую, Алексей Григорьевич, теперь много лучше. А как впредь стану во всем слушать медикуса, так и вовсе вскорости на ноги поднимусь.

– То дело хорошее. А то лебедушка наша, невеста твоя, вся сердечком изболелась, на тень бестелесную похожа, вся измаялась, денно и нощно поклоны земные бьет, у Господа нашего здоровья для тебя вымаливает.

– Передай, что со мной все в порядке. Скоро здоров буду.

– Так, может, я призову ее, Петр Алексеевич? Она туточки, в карете за воротами. На двор гвардейцы не пустили, – нарочито подпустив в голос обиду, закончил он.

– Пустое, Алексей Григорьевич, – сделав вид, что не обратил внимания на факт недопущения на двор княжьей кареты, начал отнекиваться Петр. – Хворь из меня вся еще не вышла, не приведи господь, приболеет Катерина, так потом ввек себе не прощу. Вот поправлюсь, тогда и повидаемся. И ты держись подальше от хворого, твоя жизнь для государства Российского еще ой как понадобится.

– Да я за-ради тебя, Петр Алексеевич, хоть в огонь, хоть в воду.

– Верю. Оттого и прошу беречься. Мне без моей правой руки несподручно будет, так что даже кашлянуть не моги. То повеление мое. Слышишь ли?

– Слышу, государь. Как ты велишь, теперь пуще прежнего беречься буду.

– Спасибо за понимание и поддержку, Алексей Григорьевич. С делами государственными без меня справляетесь ли?

– С Божьей помощью и с твоего благословения, Петр Алексеевич.

– Стало быть, все хорошо?

– Это с какой стороны посмотреть, государь. Как с одной, так вроде все слава богу. А как с другой… Ты выздоравливай, Петр Алексеевич, – словно спохватившись, что сболтнул лишнего, оборвал себя на полуслове князь.

Вот же шельма. Чувствует, что в ту ночь переусердствовал, затеяв венчание с хворым и страдающим от болезни императором. Долгоруковы тогда на семейном совете постановили обвенчать находящегося при смерти Петра и Екатерину Долгорукову, ссылаясь на то, что церковь такие браки не запрещает. В усадьбе на тот момент посторонних не было, Иван привел две роты преображенцев, которые денно и нощно охраняли дворец. Вот и решили окрутить. Не вышло. Петр из упрямства и обиды согласия своего перед священником не дал, а там и спасительное забытье. А потом Остерман прорвался-таки в усадьбу. Одним словом, завертелось, и ничего у них не срослось.

После уж вдруг воскресший государь, все еще будучи на смертном одре, волю свою явил, да так, что все диву давались. Словно подменили мальчонку. Словно и не Петр это. Но в том, что тут нет никакой подмены, никто не усомнился. Мудрено такое устроить. Как видно, заглянув за край, государь сильно изменился, а может, благодать Божья на него снизошла. То не смертным ведать.

Как бы то ни было, а перемена была столь разительна, что Долгоруков, вдохновитель и голова последних событий, не мог не испугаться. Вопрошая себя, он всякий раз приходил к одному выводу – живой Петр Долгоруковым не нужен, ибо опасен. А Ванька, бездарь безмозглая, будто не понимает ничего.

Разъяснить бы ему, оболтусу, да хоронится он от отца и дядьев, чтобы, не приведи господь, ни на что не сподвигли. Даже на заседания верховного тайного совета не ездит. Дурак! Позабыл в своем порыве о том, что сам же тестамент подделал, да еще и при свидетелях им потрясал. Хорошо хоть дядька его, Василий Владимирович, удержал голову неразумную и не дал настоять на той бумаге. Кстати, судьба ее неведома. Пропал документ. И это страшило пуще всего.

Но раз уж так-то сложилось, то нужно бы дожать свадебку-то. Только теперь нахрапом не получится. Теперь тоньше нужно. Петр опасен, но его все еще можно обвести. А там, как только Катька понесет, можно и вопрос решать. Все едино кто будет – мальчик ли, девочка. То уж не важно, главное, что кровиночка. Даже если помрет дитя во младенчестве, что с того, законная императрица Екатерина Вторая, просим любить и жаловать. Баба на престоле, эка невидаль, было уж и снова повторится. А Катька его воле подвластна, да и не станет она роду своему вредить.

– Чего же ты замолчал, Алексей Григорьевич? Сказывай все, раз начал, – решил подбодрить князя Петр.

Все одно вопроса этого не избежать. Мало того, нужно обозначить свою позицию уже сейчас, чтобы время вынужденного бездействия не обернулось против него.

– Да стоит ли, Петр Алексеевич?

– Говори.

– Послы иностранные опасения высказывают. Опять же торговлишка с иноземцами хиреть начала. Союзники на сторону посматривают, боятся, что не сможет Россия им стать крепкой опорой в делах государственных.

– И ты говоришь – все слава богу?

– Так беда еще не приключилась, но настроения смутные.

– Отчего напасть такая?

– Все обеспокоены делами на престоле российском.

– Чего тут беспокоиться? Болезнь на убыль пошла, император на престоле. Иль не доводят до всех, как здоровье мое?

– Как не доводить. Всенепременно. Но случившееся с тобой сильно всех взволновало. Вон какую силу твое государство взяло, вся Европа затаив дыхание смотрит в нашу строну и волнуется оттого, что тут смутные времена могут наступить. А все из-за болезни твоей тяжкой. А ну как беда случится, а наследника законного нет. Всяк на себя одеяло потянет. Тут такое может начаться…

– И как всех успокоить? Тестаментом озаботиться да объявить на весь свет, чтобы покой в умы внести?

При упоминании злосчастного документа князь все же дал слабину и самую малость переменился в лице. Но как ни краток был этот миг, Петр все же заметил перемену.

– На мой взгляд, это может быть опасным, государь. А вот коли подле тебя появится вторая половинка, да дите народится, тут уж не только Европа, но и народец наш российский в покой придет.

– Стало быть, опять сватаешь. Вот что ты за человек, Алексей Григорьевич? Ведь обручился я с Катериной, слово императора дал, а ты все торопишься. Иль моему слову веры уж нет? Так ведь кабы не хворь, со мной приключившаяся, то я уж был бы женатым, а там, глядишь, ты бы уж о внуке подумывал.

О том, что эта невеста была уже второй и однажды Петр от слова своего отступился, лучше не поминать. Хотя об этом никто и не забудет. Но с другой-то стороны, дело и впрямь к свадьбе шло, не без давления тайного совета, в частности Долгоруковых и Голицыных, представлявших там большинство, но шло.

– Твоя правда. Да ведь не только о кровинушке своей думаю, сердечком о тебе изболевшейся, но и о России-матушке. Потому как, кроме того что отец, я еще и муж государственный, и долг служения для меня превыше всего.

– За то и ценю тебя, Алексей Григорьевич. Оттого и полагаюсь на тебя, как на батюшку, коего и не помню вовсе. Что же касаемо свадьбы, не беспокойся, все будет по уговору и в назначенный день.

– Так в какой день-то, Петр Алексеевич? – растерянно проговорил Долгоруков, явно ничего не понимая.

– Как и условились. Девятнадцатого января. Я, как на ноги встану, перво-наперво хочу поехать по святым местам, поклониться и Господа нашего возблагодарить за чудесное исцеление, потому как только волею Его и жив. А там и делами государственными займусь. До той же поры все мои помыслы только к Господу нашему направлены будут.

– То ты верно решил, Петр Алексеевич.

– Прости, Алексей Григорьевич, устал я.

– Уже ухожу.

– Да, медикус говорит, что через пару дней хвори во мне не останется. Хоть и слаб я еще, но не передашь ли Катерине Алексеевне, чтобы навестила меня послезавтра?

– Обязательно передам, Петр Алексеевич.

Вот и славно. Не сказать, что опасения Долгорукова удалось развеять полностью, но, с другой стороны, он сдуру столько наворотить успел, что тут никак невозможно сыграть так, чтобы он вовсе успокоился. Но уж год Петр отыграет по-любому, а вот как оно дальше будет, то время покажет. Может, и придется жениться на Катьке, а может, все по-иному разрешится. Тут удержаться бы, не скатиться под кручу.

Хотя состояние его значительно улучшилось, беседа с Долгоруковым измотала сильно. Вероятно, сказалось напряжение. Тут ведь как, Долгоруковым и попускать никак нельзя, но и подозрений вызвать не моги. Крыса, загнанная в угол, вполне может напасть на кота. Род этот старинный и влиятельный, в том числе и его, Петра, стараниями, сегодня большую силу взял. Решат, что Петр им предпочтительнее мертвый, так удавят и не поморщатся.

Что с того, что на подворье две роты преображенцев, это еще не вся армия и даже не вся гвардия. Бросят клич, мол, царя-батюшку в заточении держат аспиды проклятущие, и пойдут гвардейцы против своих же братьев, уверенные в том, что долг свой исполняют. А там в сумятице… Слабому да хворому и малости хватит…

Но и слишком много воли Долгоруковым тоже давать нельзя. Хотя… Кто там сейчас против них? Остерман и Головкин. Двое из восьми. Нет. Трое. Ванька вроде как искренне принял сторону Петра. Но и к этим двоим не пристал. Однако против остальных они объединятся. Итак, трое. Да и тут не все однозначно. Помнится, Дмитрий Михайлович Голицын состоял в переписке с опальным светлейшим князем Меншиковым, ныне покойным. Известие о его смерти пришло как раз перед болезнью. Долгоруковы же непритворно ненавидели Александра Даниловича…

Нет. Не потянуть ему такого дела. Ни опыта, ни возможности. А вот у Остермана и то и другое в наличии имеется. Нужно будет с ним обязательно встретиться. Он, конечно, тоже себе на уме, но, с другой стороны, понимает – он может быть первым лицом *при* императоре. А вот Долгоруковы, старинный княжеский род, могут повернуть и измыслить все по-иному…

– Петр Алексеевич, лекарства пора принимать.

Появившийся в спальне Василий сбил с мысли. Но Петр был даже благодарен за это. Голова шла кругом от той каши, что сейчас в ней закипала. Куда ни кинь – всюду клин, словно и не на престоле он, а во вражеском стане находится. Как же оно раньше-то было? А так и было. Просто за постоянными охотами да забавами ничего не видел, а теперь будто пелена спала. А толку-то?

Медикус, зар-раза! Да что же у тебя все настойки такие противные на вкус?! Словно дерьма туда намешали. Однако, несмотря на отвращение, Петр выпил все, стоически перенося неприятные ощущения. А потом пришел сон. Медикус говорит, что это для больного сейчас первейшее лекарство. Может, так, а может, и нет, да только сон для юного императора был единственным спасением от тяжких дум.

Ему опять приснилась сестрица Наталия. Снова они были веселы и беспечны. Говорили много, обо всем и ни о чем. Петру и не нужен был ее совет, только бы слышать ее голос да звонкий смех. Такой звонкий, что вешние ручьи позавидуют.

Опять видел этого загадочного Сергея Ивановича. Сестрица, глядя на него, потупилась и горько вздохнула. Было видно, что он хотел заговорить, но потом только тепло улыбнулся, махнул рукой и истаял. Наверное, опять решил не мешать встрече двух родных сердец. Виноватым он себя чувствует, что ли? А в чем вина-то, коли Петр его раньше и не знал вовсе?

В указанный день, как и обещался, Петр допустил к себе Екатерину Долгорукову. Сделал это, только чтобы сдержать свое слово, и тем не менее встретил ее тепло. Тому виной Василий, ставший личным денщиком императора, для чего был занесен в списки Преображенского полка, сверх штата, с положенным жалованьем. По его словам, девушка чуть ли не дни напролет проводила в церкви, вымаливая государю выздоровление. Причем делала это по велению сердца, а не по воле родителя. Этим своим поведением она заслужила любовь и одобрение черни, неизменно провожавшей ее возок крестными знамениями.

Ну и как не быть к ней ласковым? Ясное дело, она стояла в подвенечном платье перед постелью умирающего Петра и умоляла его жениться на ней, а потом на пару с Ванькой просила подписать тот самый злосчастный тестамент. Да только тогда она под дудку отцовскую

да дядьев плясала, а вот в церковь своей волей пошла. Может, и винилась перед Господом за содеянное.

Проводив девушку, Петр затребовал к себе Остермана. То особого подозрения не вызовет. Всем ведомо, что император души не чает в своем наставнике, хотя и не часто его слушает. Однако на этот раз, без посторонних ушей, все было по-иному.

– Андрей Иванович, как думаешь, долго ли мне осталось?

– О чем ты, Петр Алексеевич? Медикус утверждает, что болезнь отступила окончательно. Еще несколько дней, и ты будешь абсолютно здоров.

– Не о том я. Хворь, волею Господа, покидает мое тело, но, боюсь, теперь приходит пора воздаяния за мою глупость младую. Увлекся я охотой и праздностью, не слушал тебя, а тем временем Долгоруковы все под себя подмяли. Любезничаю с Алексеем Григорьевичем, а ведь чуть не за главного врага его почитаю.

– Но он сказывает по-иному. Мол, и в чести, и обручение с Екатериной ты подтвердил. Говорит, что свадьба через год.

– А что мне остается? Как вспомню, сколь много его стараниями глупостей наделал, так боязно становится. Ведь сам же ему влияние немалое в руки дал.

– В том ничего страшного нет, государь. Ты и сам говоришь, то только по младости лет. А кто молодым не ошибался? Но Господь в мудрости своей тебя не оставит, в то верю всем сердцем.

– Андрей Иванович, как только встану на ноги, я отправлюсь по святым местам, возблагодарить Господа нашего за чудесное исцеление. Знаю, болен ты, ногами маешься нещадно, но прошу тебя превозмочь болезнь. Всю полноту власти касаемо внутреннего управления и внешних дел, за небольшими исключениями, я оставлю на тайный совет, а кто там во главе, тебе объяснять не надо. Остаетесь только ты и Головкин против своры. Но есть еще и Голицын Дмитрий Михайлович. Он, в отличие от своего брата, еще не полностью к Долгоруковым перекинулся, тому подтверждением и его переписка с покойным Александром Даниловичем. И то, что Долгоруковы мне о том поведали, ему доподлинно известно. Иван Долгоруков, мнится мне, в тайном совете человек лишний и вредный, потому как, хотя и верен мне, делами не хочет заниматься никоим образом. Да и насколько его хватит против родни – непонятно. Его я оставлю при себе, а вот на его место прочу Ягужинского. Птенец гнезда деда моего, ловок и умен, а главное, будет тебе в совете поддержкой и опорой.

– Я понял, Петр Алексеевич.

– Вот и ладно. Сколько меня не будет, то мне пока неведомо, но, думаю, долго. Не поддавайся, Андрей Иванович. Гони от себя хворь и хандру. Коли отступишься, один я останусь. Ни Головкина, ни Голицыных мне к себе не перетянуть, малоопытен я в делах этих.

– Выдюжу, Петр Алексеевич, не сомневайся.

– Кстати, до меня слушок дошел, что у Катерины Долгоруковой до меня ухажер был. Какой-то иноземец. Поговаривают, она, пока меня не встретила, даже бежать с ним хотела. Ты, часом, ничего о том не слышал?

– Прости, Петр Алексеевич, но, признаться, я и понятия не имею, о чем идет речь.

Молодец немец-перец-колбаса. Если и в курсе про Катькины дела, а это, скорее всего, так и есть, то держится вполне пристойно. А если и впрямь ничего не ведает, то, никаких сомнений, он того иноземца найдет и по новой воспалит сердце влюбленного. Можно ли так с девушкой, которая за здравие твое денно и нощно молится? А почему бы и нет? Как еще отблагодарить за такое? Помолиться в ответ? А не лучше ли сделать счастливой в браке с любимым? Да, пожалуй, это будет правильно. По-божески.

– Ну не знаешь и не знаешь. Ты прости меня, Андрей Иванович, устал я что-то.

Устал? Да не сказать, что так уж и сильно. Болезнь отступила, здоровый сон, обильное питание, настойки эти, чтоб им вместе с медикусом… Все это вполне благотворно сказыва-

лось на его самочувствии, а потому отдых побоку. Дел невпроворот. Бежать нужно из Москвы. Бежать как можно быстрее, пока опять не взяли в оборот.

– Василий, а где Иван? Что-то я его уж дня три как не дозовусь, – едва только денщик появился в спальне, поинтересовался Петр.

– Так известно где. Бражничает да куражится. Сказывают, опять к Никите Юрьевичу Трубецкому наведывался со товарищи. Пока ты плох был, Петр Алексеевич, так вроде попритих Иван-то, а как полегчало тебе, так снова за старое принялся.

В груди что-то екнуло. Что-то знакомое и радостное. Эх, сейчас бы покуражиться, заздравный кубок поднять, девку какую приласкать, выкурить трубку доброго табаку – на охоту. Вот именно так, все и сразу. Но радостное возбуждение как появилось, так и опало, блеск в глазах сменился задумчивостью.

Ох, Ванька, Ванька, ума в тебе ни на грош. То ли дурости полна головушка, то ли не знаешь, к какому берегу пристать, и от родни хоронишься, и сюда носу не кажешь. Все же верно решил, нечего тебе делать в тайном совете. Оно, может, императору лично и предан, да только одной преданности мало. Нужно еще и делами заниматься, а ему за увеселениями да бражничаньем некогда голову поднять и осмотреться. Может, гнать его? Нет. Нельзя. Не на кого опереться. И потом, хотя бы одного Долгорукова потребно при себе держать, все родне лишняя надежда, что не все так худо.

Странно, и откуда мысли-то такие? Петр постарался присмотреться к себе самому и хоть что-нибудь понять. Раньше все было ясно и понятно, люди делились на тех, кто с ним в забавах, и тех, кто хотел его от тех забав оторвать. К последним относились Остерман и Долгоруковы, и веяло от них скукой несусветной. Особняком была только Лиза.

Сейчас же он отчего-то людей стал перебирать, как плоды, выискивая те, что паршой побиты или с гнильцой. И таких, у кого не было изъяна, он больше не видел. У каждого что-то да было. И потом, смотрит на человека и оценивает его всячески, присматривается, словно понять хочет – а будет ли от того польза?

– Вот, значит, как, – задумчиво произнес Петр, глядя на своего денщика. – Василий, а сыщи-ка ты мне обоих. И Ивана, и Никиту.

Не сказать, что распоряжение Петра не удивило Василия. Тот даже как-то подозрительно взглянул на императора. Видать, знает, что и сам Петр бывал в увеселительных наездах в дом генерал-майора и кавалергарда Трубецкого. Ну да пусть думает как хочет. Главное, чтобы дело свое знал и исполнял незамедлительно. Он, конечно, Василию благодарен за то, что тот оказался рядом в ту ночь, но держать при себе за прошлые заслуги никого не станет. Потому как для службы потребны не только преданные и любящие, но еще и расторопные.

Появилась одна мысль. Оно, конечно, может выйти и так, что Петр ошибся. Ну конечно, ошибся. Баба трусливая и безвольная. Ванька жены его открыто домогается, при товарищах, чуть в окошко хозяина дома не выбрасывает, а тот разве только носом не шмыгает. Ой ли? А все ли так, как мнится? Трубецкой, он не глуп. То, что робел и не мог дать отлуп Ваньке, так тут ясно все. Мало кто может воспротивиться любимцу императора, обласканному и пользующемуся доверием, оттого и своевольничающего безудержно. Эвон Бутурлин, науськанный Лизкой, встал ему в пику, и где он нынче? А в опале. Переведен по службе в украинскую армию…

Вот же диво дивное. То трое суток сыскать не могли, а тут и заскучать за думами не успел, как Ванька предстал пред ясны очи императора. Ну как предстал, ожидает, шельма, когда призовут. Петр призадумался над этим обстоятельством. Нет, не призывал он Ивана. Так, время от времени поинтересуется, мол, где он, без огонька, без надобности. А как потребовался, так сразу сыскали. Молодец Василий, видать, не ошибся в нем. Не сам ведь бегал, государь в любой момент призвать может, но сумел все толково организовать. Богата на таланты русская земля, ох богата.

Пока любимец государев в соседней комнате ждет, когда его государь призовет, Петр внимательно смотрит на другого. Никита Юрьевич Трубецкой. Довольно высок и вполне себе статен, тело крупное, не иначе как склонен к полноте. Но крепок. Сразу видно, Ивану ничуть не уступит. Наверное, из той породы, что перед начальством вид всегда имеет растерянный, хотя сам бывает куда умнее. На таких ставку в трудной ситуации делать сложно. Но если Трубецкой будет обласкан императором, то, кто знает, чувствуя поддержку, может, и расправит плечи.

– Здравия тебе, государь.

– Спасибо, Никита Юрьевич, и тебе поздорову. Ты уж не обессудь, но я сразу к делу. Так уж Господу нашему было угодно, чтобы я заглянул за край. На многое после того я по-иному взглянул. Все, что казалось правильным и забавным раньше, теперь уж таковым не кажется. Повиниться я перед тобой хочу, Никита Юрьевич, за непотребное свое поведение, за беспутство моих сотоварищей.

Трубецкой метнул быстрый взгляд на подростка, удобно расположившегося на кровати, и тут же снова потупился. Но Петр заметил и повлажневшие глаза, и искру злости, и какую-то отчаянную решимость, и удивление. Может, ошибка это, вот так с ним наедине беседовать? Ерунда. Не выказав доверие, нельзя рассчитывать на преданность. Что с того, что этот далеко не лучший? Не на кого сейчас опереться. Остается только обездоленных да обиженных вокруг себя собирать, пусть даже сам в тех обидах частью и повинен.

Нет у него друзей, как и преданных соратников. Дед достойное наследие оставил. Да только те насколько возносили Петра Великого, настолько же ни в грош не ставят его внука, отрока капризного, своевольного, беспутного и ветреного.

– Удивлен, Никита Юрьевич? Вижу, что удивлен. Да только даже дед мой, Петр Великий, когда видел свою неправоту, в том сознаться не гнушался. Так чего мне-то, пока не достигшему никаких высот, нос выше потолка задирать. Так как, прощаешь ли?

– Не мне, Петр Алексеевич, в чем-либо винить тебя, а потому и виниться тебе не за что.

– Ладно. По-иному скажу. Обиды тебе чинил Иван Долгоруков, с моего попустительства. Ты же, как верноподданный, моего царедворца призвать к ответу боялся. Боялся, боялся, не нужно на меня так смотреть. А теперь скажи как на духу: коли мог бы, вызвал бы Ивана на дуэль, дабы за честь свою заступиться? Не молчи, Никита Юрьевич, сказывай.

– К чему эти речи, государь?

– А к тому, что знать хочу, готов ли ты за честь свою вступиться или и дальше станешь позволять Ивану глумиться над собой. Если боишься преследований с моей стороны, забудь. Ничего не будет. Ни обиды, ни злости, ни отмщения в будущем, в том я тебе свое императорское слово даю.

– Да я… хоть сейчас… этого… – Вдруг разволновавшись, Трубецкой даже не находил слов, а может, у него просто перехватило дыхание.

– Ну а раз так, то быть по сему. Драться будете немедля, в саду, перед моими окнами, дабы я все видел. На будущее скажу так: коли дашь отлуп какому охальнику, решившему влезть в семью твою, я всегда на твоей стороне встану, как и на стороне любого в империи Российской.

– Благодарю, государь.

А радости-то, радости. Ох и накипело же у тебя. Ванька, Ванька, а ведь не выпустит он тебя живым. Как есть не выпустит. Вон как злобой исходит, она от него волной мрачной расходится. А Долгоруков еще ой как полезен будет. Про друзей и соратников уж не раз сказано.

– Только учти, Никита Юрьевич, мне жизни преданных людей дороги, даже если меж ними черная кошка пробежала. А потому дуэль до первой раны, кровоточащие царапины не в счет.

– Мнится мне, государь, что ты не ведаешь, как и меня на свою сторону перетянуть, и Ивана сберечь. Так то лишнее, я и без того твой, в том и присягу давал.

– Не в присяге дело. Не по долгу, а по сердцу верные трону потребны. А коли не быть честным, то и сердца не получить.

– А ну как убью?

– Знать, воля на то Господа нашего, – сделав для себя зарубочку, что генерал-майор больно уж уверен в своих силах, искренне ответил Петр.

– А ведь он не только мне обиды чинил. Что же, государь, со всеми драться ему велишь?

– Не со всеми. Но с тобой велю.

Вот так, любезнейший, дальше уж сам думай, не дите малое. Никому иному не позволено, а тебе со всем уважением. Поймешь – хорошо. Не поймешь… Жаль. Хотелось еще одним доверенным лицом обзавестись, так как виды имеются, а можно лишиться и того, кто пока единственный.

– Я все понял, государь.

– Василий.

– Тут я, государь! – влетел в комнату денщик.

– Господ офицеров и Ивана Долгорукова кликни.

– Слушаюсь, государь.

Бог весть, может, Васька, шельмец, так сумел все предугадать и заранее озаботился. То ли господа офицеры пришли поинтересоваться, как обстоят дела у их майора. Не шутка ить, против влиятельной родни пошел. И потом, они тут на подворье безвылазно уж который день сидят, света белого не видят. Но как бы то ни было, а не прошло и минуты, как все четверо и Долгоруков предстали перед юным императором.

Беседа была недолгой. Петр предоставил слово Трубецкому. Тот вызвал на поединок Долгорукова. Император дал свое соизволение на оный. Определились с секундантами, и все дружно направились в засыпанный снегом сад. Петр же с помощью Василия удобно расположился у окна…

Ох, Трубецкой, а прав ведь был насчет тебя. Как есть прав. Кавалергард хотя войска и не водил, но в боях участвовал, чего не скажешь об Иване. Это чувствовалось сразу. Петр и сам войн не видел. Откуда? Да только, едва поединщики встали в позицию, юный император тут же рассмотрел в Трубецком убийцу. Нет, не татя, а человека, коему не впервой смотреть смерти в глаза и отбирать чужую жизнь. Таким можно стать только в боях, где кровушка рекой льется. Откуда он все это знает? А бог весть. Знает, и все тут.

И стати вроде одной. И ловкие оба. А Никита Ваньку как щенка шелудивого по снегу валяет. Наблюдая за поединком, Петр все время ловил себя на мысли, что так не должно быть. Не может бой длиться так долго. Но поединок продолжался. У Долгорукова уже несколько неглубоких порезов, и при нанесении каждого из них Трубецкой мог нанизать его на шпагу. Однако, словно играя, делать это не спешил. Наконец Иван ринулся в очередную атаку, да так резво, что Никита был вынужден немедленно отреагировать. Как результат, шпага пронзила правое плечо атаковавшего.

Петр всмотрелся в лицо Трубецкого, благо происходило все практически под окнами. Недоволен генерал. А чем, собственно? Рана-то нешутейная, да десяток мелких порезов. После дуэлей, бывает, и с куда меньшим результатом расходятся, считая вопросы чести исчерпанными. Нешто и впрямь живота удумал лишить? Не понял просьбы Петра? Да понял он все. Еще как понял. Просто душу не успел отвести, а очень хотелось. Ну да, нельзя получить все и сразу…

– Вижу, Никита Юрьевич, жалеешь, что Иван в атаку бросился. Что, хотелось еще поиграть, чтобы до печенок пробрало обидчика? – внимательно наблюдая за Трубецким, поинтересовался Петр.

– Хотел, – не стал таиться осмелевший офицер, – но, как видно, Господь рассудил, что я излишеством занимаюсь, а потому и решилось все так скоро.

– Понимаю, за обиду хочется взять большую плату. Но случилось так, как случилось. Надеюсь, у тебя теперь нет претензий по вопросам чести к Ивану Долгорукову и камня за пазухой на своего императора не держишь? Не смотри на меня так. Смертельную схватку не разрешу.

– Вопрос полностью разрешен, государь.

– Вот и хорошо. Тогда слушай мое повеление. Расстроен я безмерно тем обстоятельством, что мой сподвижник и фаворит был ранен тобой. Поединок был честным, а потому судить тебя я не могу. Однако и спускать подобное тоже не стану. Сегодня же ты будешь отчислен из роты кавалергардов и исключен из списков Преображенского полка. Завтра тебе надлежит убыть для дальнейшей службы в Санкт-Петербург, где вступить в командование Ингерманландским полком. Чего молчишь?

– Слушаюсь, государь, – тоном ребенка, которого поманили сладким петушком, а потом показали кукиш, произнес Трубецкой.

– Не понял. Вот и ладно. Значит, и иные не поймут. Ну чего ты на меня так смотришь, Никита Юрьевич? Думаешь, обманул? Нет тут обмана. А вот службу сослужить ты сможешь, и немалую. У меня два гвардейских полка, опора и надежа из пяти тысяч штыков, которые никак сейчас мне не подчиняются. Вот набралось две роты преображенцев, числом в три с половиной сотни, и это все. Да и за то благодарить должен Ивана, так как ближники его там командуют. Оставаться в Москве, быть под пятой тайного совета, где всем заправляют Долгоруковы да Голицыны? Податься в Петербург? Так и там поддержки нет. Я на троне надобен только как китайский болванчик или вовсе никакой. А мне такого не нужно, потому как у Российской империи должен быть император, а не кукла фарфоровая. По выздоровлении я поеду по святым местам и после поездки возвращаться в Москву не намерен. Сразу направлюсь в Санкт-Петербург. Как там себя поведет Миних, я не ведаю. А потому потребны мне в столице войска, на которые я могу опереться. Теперь понял?

– Понял, государь. Все исполню, будь уверен, – вдруг взбодрившись и вытянувшись во фрунт, произнес довольный сверх всякой меры генерал.

– Вот и ладно. Думаю, около полугода у тебя есть. Завоюй сердца ингерманландцев, вояки там настоящие, Александра Даниловича птенцы, а он и сам лихим воем был, и солдаты ему под стать.

– Государь, а может, иной какой полк? Пусть менее славный. Ведь помнят ингерманландцы, как ты Меншикова в ссылку отправил без суда. А они в нем души не чаяли.

О как осмелел. Ему палец в рот, а он уж к локотку примеривается. Петр задумался, но потом решил, что иного ожидать и нельзя было. Человек долгое время носил в себе обиду, опасаясь выместить ее на представителе золотой молодежи. А тут сразу столько подарков – и Ваньку проучить позволили, и вон какое доверие оказывают, чуть не в спасители императорской короны сватают. И вообще, почувствовал мужик за собой крепкую спину, вот и расправил крылья. Не стоит их подрезать. Ох не стоит. Эдак подломится Трубецкой и озлобится, а он нужен, и не просто преданным, но и инициативным.

– Во-первых, Никита Юрьевич, ингерманландцев я хочу возвести в ранг гвардии, кем они, по сути, и являлись, разве только светлейшего князя. Во-вторых, они уже доказали свою преданность, когда приняли приказ мальчишки о разжаловании и ссылке их полковника. Взбунтуйся они в тот момент, и все пошло бы по-иному. Я прекрасно помню, как все висело на волоске, как дрожали господа из тайного совета, да и я тоже, ожидая прибытия ингерманландцев под водительством Меншикова. Но этого не случилось. Так неужели они не останутся верными присяге теперь? Не верю.

– Но такое недоверие гвардии…

– Гвардия силой своего присутствия и штыками посадила на трон прачку чухонскую. Сегодня гвардейцы обласканы Долгоруковыми и пребывают во мнении, что им по силам вер-

шить, кому восседать на троне российском. Позабыли, что долг их в служении верном и беззаветном. Если укорот не дать, то они еще не один переворот могут учинить. Ничего, вскорости почищу ряды, дабы искоренить болезнь.

После обстоятельной беседы с Трубецким предстоял не очень приятный разговор с Иваном, которого определили в соседних покоях. Поначалу Петра охватило желание положить его в своей опочивальне и даже помогать ухаживать за ним. А то как же, ведь друг и соратник, сколько времени они провели вместе, ведя бивачную жизнь во время охотничьих забав, делясь последним. И потом, несмотря на свою бестолковость, кое-чему Долгоруков все же его обучил.

Но желание это было мимолетным. Прострелило, едва только шпага Трубецкого вошла в тело друга, и практически сразу пропало. Петр даже подивился собственному поведению, потому как поспешное решение было им принято с каким-то юношеским задором и восторгом, с готовностью жертвовать ради друга. А вот более позднее как-то уж больно несвойственно ему. Он так никогда не думал. И вообще, наверное, все же что-то стряслось после того, как он заглянул за край. Сам чувствует, иным он стал. Каким-то расчетливым, холодным. А еще словно посмеивается над происходящим, глядя со стороны. Прямо как в кино.

Ну вот, опять какое-то словечко непонятное. Оно вроде как ему все ясно, но и объяснить значения не может. И таких слов в последнее время столько в голове вертится… Нет, не так. Не вертятся они, а сами собой приходят в тот или иной момент, по ситуации. Нормально объяснил? А и самому ничего не понятно.

Иван лежал на широкой кровати, застеленной белыми простынями. Уже перевязанный. Как видно, кровь только-только остановили, на бинтах имелось красное пятно, но повязку не меняли. Ну и правильно, чего сейчас рану бередить. Опять кровь польется. Пройдет время, сменят на чистую.

– А у тебя кровать поболее моей будет, – излишне жизнерадостно произнес Петр, обращаясь к демонстративно отвернувшемуся Долгорукову. – Иван, мне, конечно, обойти с другой стороны не сложно. Ты отвернешься. Я опять обойду. И что, так и будем, как дети малые, в гляделки и прятки играть, раскудрить твою в качель? Ладно я, мне такие забавы вроде как по возрасту не зазорны. А как с тобой быть?

Долгоруков тяжко и явно с показной обидой вздохнул и обернулся к Петру. Правда, вышло у него это излишне резво. Рана тут же дала о себе знать, вырвав короткий стон, подкрепленный соленым словцом сквозь зубы.

– Ну вот. Так гораздо лучше. Что медикус говорит?

– Жить буду, Петр Алексеевич.

– Это хорошо. Мне твоя жизнь до зарезу нужна. А то останусь как перст один-одинешенек.

– А ты вон Трубецкого позови или Бутурлина из опалы верни, они тебе компанию составят и верными до гробовой доски будут.

– Эвон… Обиделся, значит?

– Я не баба, чтобы обижаться.

– Оно и видно, – присаживаясь на стул рядом с кроватью, буркнул Петр. – Ну откуда мне было знать, что он так ловок окажется? Заладил, мол, дело чести, чаша терпения переполнена. А я ведь помню, как ты его во фрунт строил. Ну, думаю, сейчас Иван ему покажет. Показал. Я вот все глядел, и мнилось мне, что он с тобой, как кошка с мышкой, забавлялся.

– Угу. Кабы на кулачках, так я бы ему показал, где раки зимуют. А на шпаге… Силен, гад. Ну ничего-о… Я еще встану.

– Пустое, Иван. Я его из кавалергардов и преображенцев погнал. Отправил в Санкт-Петербург, пусть ингерманландцами командует.

– В столицу, получается, сослал?

– Окстись, Иван. Где та столица-то? А в Москве. Вот порой смотрю я на тебя и думаю, кто из нас старше.

– Ну да. Это я что-то того. Ничего, все одно я с ним еще посчитаюсь.

– Вот, значит, как?

– А нешто я должен ему рану спустить? Так ладно бы сразу проткнул. Не-эт, он поиграть решил, паскуда.

– А как бы ты поступил на его месте? Эвон, ведь не он к тебе в дом по-хозяйски врывался, а ты со товарищи, но за то же на него злишься и хочешь к ответу призвать. А по совести-то: правда на его стороне. Чего на меня так смотришь? Изменился? А ты загляни за край, погляжу, каким ты будешь. Как пришел в себя, так многое мне по-иному видится.

– Так, может, и я тебе уж без надобности?

– И не думай. Одного оставить меня хочешь? Когда Трубецкой ранил тебя, думал, сердце оборвется. Нет у меня никого ближе тебя, Иван.

– А чего же тогда не сразу пришел? – опять подпустил в голос обиду Долгоруков.

– Так с Трубецким разбирался. Иван…

– Да успокойся, Петр Алексеевич. С тобой я. С тобой. До гробовой доски подле тебя буду.

От этих слов у Петра на мгновение дыхание перехватило, и он с присущей юношам горячностью обнял друга. Правда, получилось слишком уж порывисто, и Долгоруков вновь исторгнул короткий стон.

– Ты бы, Петр Алексеевич, того… поаккуратнее, что ли… Больно ведь.

– Ничего. Вот заживет твоя рана, я окрепну, и поедем вместе по святым местам. А по пути еще и поохотимся.

– А как же жизнь положить служению России? Ить твои слова.

– А мы и послужим. Потом. Я же зарок дал, после того как Господь сподобил с того света вернуться. Но отчего бы, едучи в такие дали, да не развеяться дорогой. А дела государственные… Есть господа верховный тайный совет, пусть сами разбираются покуда. Я и тебя освободил.

– Как это?

– Да так. Остерман тут до меня прорвался, так я ему велел указ подготовить, чтобы освободить тебя от должности. Теперь все время рядом со мной будешь.

– А кого же вместо меня?

– Да Ягужинского, – беззаботно бросил Петр.

– Это Остерман предложил?

– Нет. Сам я, – растерянно ответил Петр. – Да какая нам разница, Иван. Главное, что вместе будем.

– Да я как бы…

– Понятно. Значит, не рад.

– Петр Алексеевич, да погоди ты. Рад я, рад. Да только ты сам посуди. Вот был я при должности, а тут вдруг раз…

– И тебе нужны звания, почести и должности большие, – горько вздохнул молодой император.

– Да пропади они пропадом, Петр Алексеевич. С тобой я, и это главное. А кем, то без разницы. Хочешь, денщиком буду?

– Денщиком у меня Василий, – засветившись улыбкой, возразил Петр. – Другом сердечным будешь, как и допрежь был. Дела великие станем творить, как дед мой. Мы такое тут завертим, куда ему и его наперснику Меншикову.

– А как скажешь, государь! Я на все согласный.

– Вот и ладно. Ты отдыхай. Сил набирайся. Да и я прилягу. Что-то устал я больно.

Ложь слетала с языка легко, словно он и сам верил в то, что говорил. Прислушавшись к себе, Петр вдруг понял, что так оно, по сути, и было. Во многое, что говорил, он искренне верил и даже стремился к тому. Вот, например, касаемо дружбы с Иваном, так сердце буквально пело оттого, что друг теперь будет с ним.

Иное было с обманом по поводу Трубецкого, Остермана и Ягужинского. Тут что-то внутри слегка противилось, но Петр без особого труда задавил это чувство. Нельзя ему рисковать. Один он. Один как перст.

Иван вроде и друг, и тянет к нему юношу, и в то же время доверия полного нет. Взять историю с венчанием, тестамент тот клятый. Вот вроде образумился, усадьбу очистил вмиг, гвардейцев подбил. А веры ему все одно нет. Вместо того чтобы всегда подле быть, в готовности прийти на подмогу, он ударился в загул, не зная, куда пристать, то ли к родне, то ли к Петру.

И потом, друг – он всегда помочь норовит. А какая помощь от Ивана? Уверовав в свою избранность, будучи фаворитом императора, творит разные непотребства и беззаконие. А ведь это в первую очередь бьет не по Ивану, а по самому Петру. Потому как с его попустительства все происходит. Путает Иван привилегии с вседозволенностью, а от того только вред один.

Отдалить бы его. Нельзя. Отринуть его – значит, лишиться поддержки офицеров-преображенцев. Они ведь тоже у него в товарищах. Да и в доме того же Трубецкого бывали и в других домах. Нужно бы их к себе притянуть. Да будет ли прок? Эти малые – копии самого Ивана, которые, глядючи на него, и сами о подобной вольнице мечтают.

Нет. Не выйдет из Ивана сподвижника, коим был у деда Александр Данилович. Вор, казнокрад, пройдоха, беспутник, но деду был верен беззаветно. А этот? Похоже, Иван и сам не знает, куда пристроиться. Голову готов прозакладывать, что Долгоруков желает лишь одного – чтобы все стало как прежде. Дурак. Не понимает, что прежнего не воротишь.

Вот Трубецкой все сразу понял. Может, оттого что постарше, а может, потому что не знал он подобной вольницы. Вряд ли. Иной он. Окажись Никита подле Петра вместо Ивана, глядишь, все по-иному было бы. Ведь Ивану не составило бы особого труда удержать воспитанника и друга от разгульной и праздной жизни. Петр ему в рот заглядывал, и из него можно было лепить все что угодно. Но Иван ума недалекого, только сегодняшним днем живет.

А Никита, он иной. И пусть вел он себя со стороны трусливо, на деле это был только трезвый расчет. Ждал мужик случая, чтобы поквитаться за обиду. Скрипел зубами, затаился и ждал. Потому как по-иному нельзя. Случись эта дуэль раньше или поколоти он Долгорукова – тут бы ссылкой в Ингерманландский полк никак не обошлось бы. Может, его приблизить? Мужик выдержанный, рассудительный и далеко не глупый. Пожалуй, спешить не стоит. Сначала пусть со своим делом справится, а там видно будет.

Эх, Василий, Василий. И что бы без тебя делал? Может, ниспослал его Господь в помощь заблудшей овце своей. Как бы то ни было, парень оказался самой настоящей находкой. Предусмотрительный, вездесущий, пронырливый, а главное – подмечающий все, оставаясь незримым для других. И когда только все успевает?

Едва вернувшись из комнаты Долгорукова, Петр вызвал к себе денщика и начал ставить ему задачи, не свойственные его должности. Василий, с большим вниманием глядя на государя, поначалу кивал, мол, каждое слово услышано и принято как руководство к действию. А вид у него при этом был… Простодыр, да и только. Как там в указе деда сказывается – «лицу подчиненному перед лицом начальствующим надлежит иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство». Петр был уверен, что Василий указа этого никогда не читал, да и умеет ли читать, еще вопрос, но выглядел он именно так, как и предписывалось.

Вот только после того, как Петр закончил, Василий не умчался выполнять повеление государя, как это бывало не раз, а остался на месте. Некоторое время он пребывал в раздумьях, потом начал выказывать явные признаки нерешительности.

– Что, Василий, боязно заниматься подобным? – по-своему истолковав поведение денщика, усмехнулся юноша.

Оно и понятно. Государю служишь или кому, а в чернь с детства почтение к благородным вколачивается. Порой просто кулаками да батогами, а нередко и каленым железом. Что с того, что поручение самого Петра Алексеевича? Как мудрость народная гласит – бояре ссорятся, а у холопов чубы трещат. Потому, случись что, шкуру с него, Василия, сдирать будут, причем очень даже может быть, что самым натуральным образом.

– Боязно-то оно боязно, государь батюшка. Да только долг сполнить – то за честь почитается.

– Тогда чего замер?

– Так я понять хочу, все ли потребное тебе уж знаю или чего еще чего разузнать надобно.

– Нормально. И многое ты уже знаешь?

– Так по всему выходит, что прямо сейчас на все твои вопросы ответить могу.

– А ну-ка, докладывай.

– Перво-наперво по ротам, что сейчас на подворье. Третьей ротой командует капитан Волков. Он во всем Ивана Долгорукова поддерживает, частенько вместе кутили. Волков Ивану в рот глядит и всячески с охотой под его рукой ходит, как и иные его офицеры. Пятой ротой командует Измайлов. Тот не так близок с Иваном, больше с Волковым. Как дуэль случилась, так Волков Трубецкого всяко-разно ругает. Сейчас у Долгорукова, с бутылью вина пошел. Измайлов все больше службой занимается.

Ага. Это и Петр заметил. К Трубецкому в секунданты пошли именно Измайлов и его поручик Вязов. А не обратил он на это внимание сразу, так как первыми вызвались секундантами к Долгорукову капитан Волков и поручик Банин. Остальным вроде ничего иного не оставалось, кроме как встать за Трубецким.

– Значит, думаешь, можно довериться роте Измайлова?

– Не поручусь, государь. Но коли из этих двоих выбирать, то измайловских.

– С одной ротой гвардейцев меня не отпустят. Ладно, ты сказывал, что и по остальному готов доложить.

– Так и есть, государь. Седьмой ротой Семеновского полка командует капитан Глотов. Никому приверженности не выказывает, себе на уме. Сказывают, что ничьего покровительства не ищет, так как служит по присяге, а присягал он на веру царю… ну императору, тебе, значит.

– Погоди. Семеновцами командует зять Долгоруких. И как он на то смотрит?

– Так ведь и служить кому-то потребно, а Глотов служака справный. Да в гвардии считай более половины ни в какие дела не лезут, мол, наше дело солдатское, прикажут – исполним.

Получается, не до конца сгнила гвардия. Но гнильца, один черт, есть, и с этим нужно будет решать, не то головной болью отзовется. Глотов. Ничего о нем не слышал. Ни дурного, ни хорошего. Но то, что служака, – это даже неплохо, значит, повеление государя исполнит не раздумывая. Опять же две роты эскорта, одна преображенская, другая семеновская, обе гвардии в наличии. Вроде все нормально. И отговориться можно легко, не дело окружать себя только преображенцами. И подозрений никаких не будет, так как капитан никакой из сторон приверженности не выказывает. И не должен, раскудрить твою в качель! Гвардия только одну сторону имеет – императора российского. Точка!

– Как стемнеет, нужно будет провести его ко мне. Сейчас давай сюда Измайлова, буду задачу ставить, чтобы через его посты провели, тишком от всех.

Господи, император, самодержец, а приходится вести себя как подсылу тайному. Один неверный шаг – и прямая дорога на дыбу. Это, конечно, вряд ли, но руки свяжут. А как оно дальше все будет – и не понять. Он сейчас окружен заговорщиками. Долгоруковы уже проявили себя в заговоре настолько, что по ним плаха плачет. Кстати, Иван не исключение.

Остерман и Головкин. Бог весть, как оно у них. Не исключено, тоже в чем-то замешаны. Хотя Андрей Иванович умен и таких прямолинейных притязаний, как у Долгоруковых, у него наверняка нет. Но свои интересы, все едино, имеют оба. По-иному и быть не может, при малолетнем-то императоре. Однако прямой измены не замышляют, в этом Петр был уверен.

Глотов был высок и статен, как и все гвардейцы, недомерков среди них не водилось. Взгляд прямой, открытый и уверенный. Петр без труда узнал в нем ветерана, не раз смотревшего в лицо смерти на поле боя. Прямо как с Трубецким. Юноша знал это, видел, вот и все.

– Ну здравствуй, Петр Иванович.

– Здравия желаю, государь, – вытянувшись во фрунт, произнес Глотов.

Голос густой, басовитый, под стать обладателю. Капитан не налегает на горло, блюдет тайну встречи. Петру это понравилось. Далеко не всегда рвение в службе означает обладание умом, как раз обратное и не редкость. Жить по определенному регламенту, когда за тебя уж все определено и на год, и на два вперед, не представляет никакой сложности, тут ума большого не нужно.

Живи согласно своду воинских законов, когда один день похож на другой как близнец. Разве только оказия какая случится, ну там пожар или война, но то дело привычное, на то и служба воинская. Дед прилагал большие усилия к тому, чтобы в гвардии офицеры имели хорошее образование и продолжали обучение даже во время службы. Но, как ни странно, по-настоящему образованных и разбирающихся далеко не только в военных вопросах среди них было немного.

– А что, Петр Иванович, поди, поешь-то знатно?

Капитан даже растерялся. Тайно вызвать к себе и тайно же провести через посты, чтобы поинтересоваться, поет ли он? Ничего не скажешь, важный вопрос. Потом вспомнилось, как рассказывали о том, что Петру Алексеевичу по нраву бивачная жизнь, посиделки у костра с вином и горячей, истекающей соком дичью, под песни соратников по забавам охотничьим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.